

И. Ринг

ЛАТВИЙСКИЙ ФАШИЗМ В ПОДГОТОВКЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

S 49
858

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ
НЕ
БЕЗОРУЖЕН,
СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ
НЕПОБЕДИМ
МОЛОТОВ

И. Р И Н Г

Л А Т В И Й С К И Й ф а ш и з м

в

П О Д Г О Т О В К Е И Н Т Е Р В Е Н Ц И И

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ♦ 1 9 3 2
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ЛАТВИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ ИЩЕТ В ИНТЕРВЕНЦИИ ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА И НАЗРЕВАЮЩЕЙ РЕВОЛЮЦИИ	7
Кризис латвийского капитализма	—
Кризис и обнищание масс	13
Рост фашизма и подготовка интервенции	20
II. ЛАТВИЯ — ОРУДИЕ ИНОСТРАННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ПОДГОТОВКЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР	27
Латвия на поводе империалистов	—
Блок лимитрофов против СССР	31
Подготовка Латвии к интервенции	35
III. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЛАТВИЙСКОГО ФАШИЗМА	41
Фашистское лицо армии	—
Политическая обработка солдат	46
Гвардия фашизма — „айзсарги“	52
IV. ЛАТВИЙСКИЙ СОЦИАЛ-ФАШИЗМ — ОРГАНИЗАТОР ИНТЕРВЕНЦИИ	58
Латвийские социал-фашисты	—
Социал-фашисты организаторы интервенции	62
Социал-фашисты и армия	66
V. РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА МАСС И РАБОТА ЛАТВИЙСКОЙ КОМПАРТИИ	70
Классовая борьба в стране	—
ЛКП в борьбе с фашизмом и интервенцией	75
Работа компартии в армии	80
РАБОЧИЙ КЛАСС СССР ДАСТ ПО РУКАМ ПОДЖИГАТЕЛЯМ ВОЙНЫ	85

„Кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм, кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике“.

Ленин

Буржуазная Латвия, как и остальные лимитрофы¹ — Финляндия, Эстония, Литва, возникла в результате буржуазной контрреволюции 1918—1919 гг. в Прибалтике.

Октябрьская революция в России принесла освобождение широким трудящимся массам национальных окраин бывшей царской империи. Одним из первых декретов советской власти в России было полное признание права наций на самоопределение вплоть до отделения. Находившийся под тройным гнетом — самодержавия, немецкого баронства² и национальной буржуазии — латвийский пролетариат вздохнул свободно, создал свою власть рабочих и безземельных депутатов, вступил членом в семью свободных социалистических республик.

Но рабочая власть в Латвии просуществовала не долго.

В обстановке острейшей гражданской войны, когда латвийский пролетариат вел героическую борьбу на баррикадах революции, объединенные силы внешней и внутренней контрреволюции нанесли удар латвийскому рабочему классу и трудящемуся крестьянству, уничтожили и потопили в крови все завоевания Великого Октября в Латвии.

Октябрьский переворот в Латвии происходил в условиях, когда большая часть страны находилась под сапогом немецкой оккупации. Советская Латвия представляла собой лишь часть бывшей Лифляндской губернии. Дальнейшее наступление немцев после переговоров в Брест-Литовске привело к захвату и остальной части Лифляндии и установлению оккупационного режима во всей Латвии.

¹ Лимитрофы — небольшие окраинные государства, образовавшиеся на западных границах СССР.

² Немецкие бароны в Латвии — остатки бывших феодалов, владевших латвийскими землями.

После революции в Германии (ноябрь 1918 г.) рабочий класс Латвии вновь захватывает власть. Красные латышские стрелки, сыгравшие большую роль на разных фронтах революции, ведут упорную борьбу против русской белогвардейщины и национальной буржуазии. Но пролетариат Латвии не смог организовать должного сопротивления наступающей контрреволюции. Страна была разорена войной и с 1915 г. представляла военный лагерь, промышленность была эвакуирована, рабочий класс ослаблен и распылен.

В борьбе против революции латвийская национальная буржуазия шла рука об руку с бывшими немецкими баронами, польскими панами и русскими монархистами-черносотенцами.

Контрреволюция в Латвии была военным союзом между империалистической буржуазией Германии, затем Франции и Англии и местной национальной буржуазией — союзом, всем своим острием направленным против рабочего класса Латвии и России, против рабочей власти Советов.

Империалистическая буржуазия Англии и Франции, видя крах интервенции, ухватилась за этот союз, имея целью ослабление сил пролетарской революции в России, отторжение экономически важных областей и создание условий для новой антисоветской авантюры. С другой стороны, содействие империалистов было прямо необходимо местной национальной буржуазии — фабрикантам, заводчикам и латвийскому кулачеству. Без поддержки вооруженной силой и материальной помощи сперва немецких оккупантных войск и позже империалистов Англии и Франции латвийская буржуазия ни в какой мере не могла надеяться на восстановление капитализма и утраченного господства.

В самой основе возникновения и существования лимитрофов, в том числе Латвии, таким образом лежит борьба против революции, зародыш и источник новой антисоветской войны.

Буржуазная Латвия это — части Лифляндской, Курляндской и Витебской губерний и Островского уезда Псковской губернии, бывшей царской России с территорией в 65,8 тыс. кв. км и населением в 1,9 млн. человек. По национальному составу население распадается на: латышей и латгальцев¹ — 73%, русских — 10,5%, белоруссов — 2%, евреев — 5%, немцев, литовцев, поляков, эстонцев и прочих — 9,5%.

¹ Латгальцы — народ, родственный латышам.

Экономическая база Латвии весьма слаба. Латвия не имеет сколько-нибудь серьезных естественных богатств — промышленного сырья, полезных ископаемых, минерального топлива. Экономика Латвии зиждется на слабо развитой промышленности, лесном экспорте, экспорте продуктов животноводства и на транзите разных грузов. Ясно, что самостоятельное существование ее в значительной мере определяется теми антисоветскими задачами, которые на нее возлагаются империалистами.

В обстановке острейшего экономического кризиса и мощного нарастания революционной борьбы масс в капиталистических странах, в обстановке колоссальных успехов и достижений социалистического строительства в СССР — вопрос о борьбе с революцией, о новой антисоветской войне стал основным вопросом для буржуазии.

В войне против СССР заинтересованы крупные империалистические хищники: Франция, Англия, Япония, Соединенные штаты Америки, стремящиеся разрешить свои противоречия за счет страны строящегося социализма. В войне против СССР заинтересованы и наши ближайшие соседи — Польша, Румыния, лимитрофы, а среди последних — Латвия.

Экономический кризис в лимитрофах носит исключительно тяжелый характер. Пролетариат лимитрофов, в непосредственной близости и с величайшими симпатиями наблюдая за социалистической стройкой СССР, готовит силы для своего Октября.

Угроза контрреволюционной войны против СССР сейчас стоит острее, чем когда-либо до сих пор. Она стоит непосредственно и реально как война, рассчитанная на срыв плана великих работ.

„Европа, как и Япония сдавлена кризисом, — откровенно цинично пишет газета украинской буржуазии в Польше „Дило“ (орган УНДО), — и не надо долго ждать, как край от польской границы до Тихого океана станет ареной борьбы... Япония на Западе и Европа на Востоке имеют одного и того же соседа и врага, и в этом заложена возможность разрешения манчжурского конфликта и многих других“.

В этом антисоветском военном концерте свою роль должны сыграть лимитрофы и в частности Латвия.

Латвия должна:

представить собой одно из звеньев для замыкания единого антисоветского фронта на западных границах СССР;

предоставить „пушечное мясо“, живой человеческий материал для новой антисоветской войны;

предоставить свою территорию и порты как плацдарм для империалистических армий и флота;

предоставить свои порты и железные дороги как опорную базу для питания империалистического фронта.

Эти „задачи“ имеет в виду газета латвийских фашистов „Латвис“, когда пишет: „Нападение на Москву со стороны Прибалтики, Польши и Румынии гораздо легче сделать, чем со стороны Китая“.

„Нападение на Москву“ особенно сейчас, когда победоносно завершается первая пятилетка, империалистам одинаково трудно сделать как со стороны Запада, так и Востока.

Империалисты прекрасно понимают это. Они понимают, что если провалилась, потерпела крах первая интервенция, то теперь, когда СССР вступил в период социализма, когда построены гиганты социалистической промышленности, когда социалистический способ производства стал господствующим и в сельском хозяйстве и вся страна охвачена энтузиазмом великой стройки, — у них меньше надежд на удачу. Всякие попытки империалистов обречены на провал.

Участившиеся антисоветские выпады крупных капиталистических стран и их вассалов — это тревожные сигналы.

Эти сигналы должны слышать весь рабочий класс, все трудящиеся Советской страны, чтобы в случае необходимости дать империалистам решительный и сокрушающий отпор.

Латвийская буржуазия ищет в интервенции выход из кризиса и назревающей революции

Первой основной и важнейшей предпосылкой активной антисоветской политики латвийской буржуазии является стремление найти в войне против СССР выход из глубокого экономического кризиса, спасение от назревающей пролетарской революции в Латвии.

Кризис латвийского капитализма

До мировой империалистической войны Латвия, входившая в состав Российской империи, быстро шла по пути промышленного развития. Создавались фабрики и заводы, росли города, рос и увеличивался рабочий класс.

С 1897 по 1913 г. стоимость промышленной продукции Латвии возросла с 257 до 830 млн. лат.¹ Армия промышленных рабочих увеличилась вдвое, достигнув 110 тыс. человек. Выросли крупные фабрики и заводы: резиновая фабрика „Проводник“ (16 тыс. рабочих), вагоностроительный завод „Феникс“ (15 тыс. рабочих), проволочный завод „Беккер“ (12 тыс. рабочих) и др. В 1914 г. лишь 44% так называемого самодельного² населения Латвии было занято непосредственно в сельском хозяйстве.

Занимая выгодное географическое положение на Балтийском море, тесно связанная с обширными рынками России, Латвия быстро превращалась в развитую промышленную область. Рост промышленности в свою очередь обеспечивал быстрый рост латвийского сельского хозяйства.

Свободный доступ к обширным рынкам России, исключительная дешевизна рабочей силы в Латвии, удобные

¹ Лат — государственная денежная единица Латвии, равная 1 зол. франку — 37½ зол. коп.

² То есть самостоятельно ведущего хозяйство и занятого производственным трудом.

порты широко привлекли местный и иностранный капиталы, открывавшие здесь одну фабрику за другой. Царские чиновники, осевшее здесь немецкое баронство, иностранная и местная национальная буржуазия наживали десятки и сотни миллионов рублей прибыли самой бешеной эксплуатацией рабочих и трудящихся масс Латвии.

Иную картину экономического и социально-политического развития представляет современная „независимая“ Латвия.

Народное хозяйство современной буржуазно-„демократической“ Латвии находится буквально в жалком состоянии.

После окончания мировой и гражданской войны восстановление латвийской промышленности шло крайне медленно, обнаруживая вместе с тем прямые признаки застоя и загнивания.

Стоимость продукции к 1930 г.—к началу мирового кризиса — достигает всего 443 млн. лат, или 53% довоенной стоимости, численность промышленных рабочих — 72 тыс. человек или 66% довоенной численности. Промышленный экспорт, составлявший до войны 80% стоимости всей латвийской продукции, достигает теперь едва 30%, или всего 15% довоенного промышленного экспорта.

Наиболее отстали бывшие до войны ведущими отрасли: химическая — 17% и металлическая — 19% довоенного. Начиная с 1925 г. в ряде отраслей наблюдается стабильность и уменьшение рабочей силы.

Происходит чрезвычайное измельчание типа предприятий. Это на первый взгляд несвойственное капитализму явление вполне объяснимо в конкретных условиях современной Латвии и является своеобразным отражением капиталистического загнивания лимитрофов. Национальная буржуазия Латвии не имеет ни средств ни рыночных условий для развития крупной индустрии, а мощные банки империалистических держав не заинтересованы ввозом крупных капиталов в чрезвычайно бедную сырьевыми ресурсами, отстающую маленькую Латвию. Такое же явление наблюдается и в других лимитрофах—Эстонии, Литве.

От прежних больших фабрик почти ничего не осталось. Предприятия с 500—600 рабочих являются наиболее крупными. На заводе „Беккер“ в Латвии, имевшем в дореволюционное время 12 000 рабочих, сейчас работает всего на-всего 600 человек. Громадное большинство (83%) составляют „предприятия“ с числом рабочих 4—5 человек. Ручной и полуручной труд, неограниченная, бешеная эксплуатация дополняют характеристику этих „предприятий“.

Измельчание промышленного производства, медленный, неравномерный характер развития его отраслей, недостигнутый довоенный уровень даже в „лучшие годы“ относительной капиталистической стабилизации — вот что характеризует промышленное развитие или, вернее, промышленное загнивание современной Латвии.

Такое положение латвийской промышленности тесно связано с таким же тяжелым положением сельского хозяйства.

Правящая партия буржуазии — кулацкий „крестьянский союз“ основным направлением хозяйственной политики объявил „политику данизации“.

Латвия, по примеру Дании,¹ должна была стать страной развитого сельского хозяйства. Промышленности отводилась подчиненная роль. В сейме прямо говорили, что единственное производство, которое нужно Латвии, это „производство рог, ног и прочей щетины“.

Находясь под впечатлением „ужасов революции“, латвийская буржуазия пуще огня боялась нового скопления рабочих масс на фабриках и заводах.

Путь промышленного развития оказался для послевоенной буржуазии Латвии не по силам. Промышленность не имела ни капиталов, ни сырья, ни рынков сбыта, ни малейших надежд на их завоевание. Неспособная конкурировать с иностранным капиталом, боящаяся малейших проявлений организованности и политической активности рабочего класса, потеряв свои прежние экономические связи, латвийская буржуазия поставила промышленность в исключительно тяжелое положение.

Хотя развитие Латвии и пошло по линии аграризации страны, „Данией“ она все же не стала и не могла стать. Латвийское сельское хозяйство не пошло по пути „данизации“. Оно пошло по пути упадка, по пути кризиса.

Зерновое хозяйство все время находится в состоянии кризиса. Основной зерновой злак Латвии — рожь в 1930 г. дает лишь 74% довоенной посевной площади. Латвия из страны вывозящей превратилась в страну, ввозящую хлеб. За последние 10 лет в среднем ввозилось в год до 75 тыс. т хлеба.

На углублении аграрного кризиса существенно сказалась и проведенная буржуазией земельная реформа, от которой выиграла только кулацкая верхушка латвийской деревни.

¹ Дания представляет собой страну сельского хозяйства, главной отраслью которой является высоко-развитое товарное скотоводство, что свидетельствует об интенсивном характере земледелия. Главными товаропроизводителями в датском сельском хозяйстве являются зажиточные фермеры-животноводы, эксплуатирующие в широких размерах наемный труд.

Слабое развитие промышленности, увеличение в итоге реформы слоя экстенсивных¹ мелкотоварных хозяйств и усиление кулацкой кабалы на селе — все это сказалось на сужении внутреннего рынка и углублении аграрного кризиса.

Результатом кризиса зернового хозяйства явилось стремление перейти на рациональное животноводство. Но организация высокотоварного рационального (технически высокого) животноводства требует больших предварительных капиталовложений (создание кормовой базы, выращивание или приобретение племенных производителей, постройка скотных дворов и т. п.). К этому была способна лишь незначительная верхушечная часть кулацких хозяйств.

„Возможности“ интенсификации и рационализации латвийского сельского хозяйства видны хотя бы из того, что сумма земельных долгов по сравнению с 1914 г. более чем удвоилась и достигает в общей сложности 380—400 млн. лат. Об этих же „возможностях“ говорят данные о целевом использовании долгосрочных ссуд. 90% из них идет на покупку земли, уплату долгов, обзаведение постройками, и лишь 10% на повышение производительности сельского хозяйства.

Факторами, углубляющими тяжелое положение народного хозяйства Латвии, являются оторванность Латвии от ее прежней исторически сложившейся хозяйственной базы, т. е. оторванность от СССР, и все возрастающая зависимость Латвии от иностранных государств.

Экспортная по характеру довоенная латвийская промышленность базировалась на обширных рынках России. Из продукции в 830 млн. лат в 1913 г. было вывезено в Россию 63% и лишь 11% — в западные страны. Русский рынок скупал 88% всей латвийской продукции резиновых изделий, 86% машин, 75% красок, большой процент продуктов животноводства и т. д.

Несмотря на то, что и сейчас СССР занимает основное место (свыше 50%) в латвийском промышленном экспорте, что советские заказы дают работу 70—80 крупнейшим латвийским фирмам, наконец, что четырехлетнее существование торгового договора с СССР дало Латвии 90 млн. руб. экспортных доходов, — буржуазия, исполненная бешеной ненависти к стране строящегося социализма и верная окрикам империалистов, всячески тормозит развитие экономических

¹ Экстенсивный — этим словом характеризуется хозяйство с низкой производительностью труда и относительно низкой товарностью на единицу затраченного капитала.

Интенсивный — противоположный экстенсивному.

связей с СССР. Вопреки жизненным интересам народного хозяйства к укреплению экономических связей с СССР, буржуазия пропагандирует „принадлежность Латвии к Западу“ и ориентацию „на западные рынки“.

Но слабая, отсталая латвийская промышленность не завоевала внешних западных рынков. Под напором иностранной конкуренции она теряет свои позиции и на внутреннем рынке. Бумажные ткани, обувь, гвозди немецкого и чехословацкого происхождения, доставленные в Латвию, с уплаченными акцизами стоят дешевле, чем местная „национальная“ продукция.

Иностранный капитал прибирает к рукам почти всю хозяйственную жизнь страны. С 1925 по 1930 г. иностранные

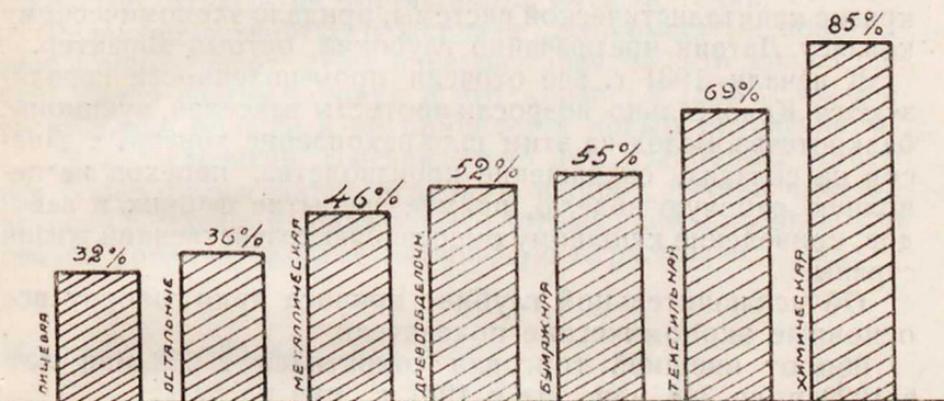

Рис. 1. Доля иностранного капитала в различных отраслях латышской промышленности.

вложения в Латвии увеличились с 56 до 104 млн. лат. В 1926 г. иностранный капитал составлял 52% всего акционерного капитала промышленности, а в 1930 г. — уже 62%. Ряд отраслей целиком находится в руках иностранцев (химическая 85%, текстильная 70%). Это означает подчинение латвийского народного хозяйства иностранному капиталу и выражает кризис национального капитала Латвии.

Иностранный капитал отнюдь не заинтересован в создании конкурирующей местной промышленности. Его „производственная“ деятельность идет по линии монопольного овладения отдельными отраслями производства, закрытия конкурирующих предприятий и прямой выкачки средств в виде высоких дивидендов¹ и процентов по займам. Это непо-

¹ Дивиденд — часть годовой прибыли капиталистического предприятия, передающаяся его пайщикам-акционерам.

средственно тормозит развитие производительных сил Латвии.

Экономическое развитие Латвии показывает, что еще до мирового кризиса Латвия находилась в исключительно тяжелом положении. Латвия является наглядным свидетельством общего кризиса и загнивания послевоенного капитализма. Стабилизация Латвии, как следствие относительной стабилизации мирового капитализма и как следствие возобновления экономических связей с СССР, была крайне неустойчивой, гнилой. Вместе с концом временной частичной стабилизации мирового капитализма пришел конец и этой „жиденькой“ стабилизации Латвии.

Наступление мирового кризиса, отражающего общий кризис капиталистической системы, придало экономическому кризису Латвии чрезвычайно глубокий, острый характер.

К началу 1931 г. все отрасли промышленности парализуются. Колоссально возросли протесты векселей, аукционы, банкротства. Вслед за этим шло накопление товарных запасов на складах, сокращение производства, переход на неполную рабочую неделю, прямое закрытие фабрик и заводов, приведение к полному омертвлению хозяйственной жизни страны.

Об исключительной глубине кризиса ярко говорят все основные экономические показатели.

Оборот внешней торговли сократился с 636 млн. лат в 1929 г. до 346 млн. лат в 1931 г., или на 52%.

Промышленный экспорт, составлявший в 1929 г. 90 млн. лат, уменьшился в 1931 г. до 50 млн. лат, или до 9% довоенного.

Валютные запасы с 72,5 млн. лат в 1928 г. снизились до 12,5 млн. лат в 1932 г., — сокращение на 83%.

Первая половина 1932 г. показывает дальнейшее резкое сокращение внешней торговли Латвии. По сравнению с первой половиной 1931 г. импорт снижается с 97 млн. лат. до 39,2 млн. лат, экспорт с 74,4 млн. лат до 48,6 млн. лат.

„Благодаря углублению экономического кризиса и влиянию германского и английского финансового кризиса, в Латвии расшатана денежная и кредитная система. Уже началась инфляция, хотя буржуазия старается ее скрыть и предотвратить с помощью чрезвычайных мероприятий“ (плenum ЦК латкомпартии 1932 г.).

Вместе с сокращением производства, замиранием всей хозяйственной жизни колоссально выросла безработица. Из 72 тыс. промышленных рабочих в 1932 г. свыше 45 тыс. безработных, т. е. около 60%. На селе из 300 тыс. батра-

ков безработных до 100 тыс. человек. Из каждых двух рабочих в городе и трех рабочих на селе один безработный.

Проезжавший через Ригу иностранный специалист Зенгер так описывает положение в Латвии, — он говорит:

„Раньше Рига была большим промышленным и портовым городом. Теперь от этого не осталось и следа—Рига оставляет впечатление умершего города. В порту один пароход, груженный дровами, остальные стоят... Сейчас в Латвии больше 45 тыс. безработных. Зимой эта цифра сильно возрастет.

...Лишь когда я приехал в Россию, я вздохнул свободно.“

Кризис отнюдь не достиг своей высшей точки.

Редактор латвийского журнала „Экономист“ в новогоднем номере пишет: „Нет никаких гарантий, что кризис достиг своей высшей точки и что кризис в 1932 г. не обострится еще больше и не приведет к новым потрясениям“.

„Этих“ гарантий действительно нет. Наоборот. Кризис все более разрастается вглубь и вширь. Латвия идет навстречу решающим социальным „потрясениям“, которые уже сейчас приводят в ужас латвийскую буржуазию.

Кризис и обнищание масс

Непосредственным результатом тяжелого экономического кризиса Латвии является колоссальное обнищание масс, голод и нужда в городах, разорение, усиленное расслоение и пауперизация¹ села.

Тяжелое бремя кризиса ложится почти исключительно на плечи городских наемных рабочих, батрачества и сельской бедноты. Но это бремя охватывает уже и различные слои городской и сельской мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции, середняцкое крестьянство, государственных и частных служащих, подрывая материальные основы их существования.

Основную „причину“ кризиса буржуазия видит в „высоком“ уровне зарплаты и в „чрезмерностях“ социального законодательства.

На прошедших весной 1932 г. конференциях буржуазных партий основным был вопрос о дальнейшем оголтелом наступлении на жизненный уровень масс. Домогательства буржуазии доходят до крайнего цинизма. „Если нам не удастся,—

¹ Пауперизация — массовое обнищание.

пишется в газетах, — снизить зарплату рабочего до уровня, обеспечивающего его труд, ... нечего надеяться на лучшие времена“.

Кризис до крайности обострил все противоречия внутри буржуазии. Но поскольку ставится вопрос об изыскании капиталистических путей выхода из кризиса, о путях его „смягчения“ и переложении всех тягот кризиса на трудящихся, постольку происходит сближение различных фракций и прослоек буржуазии, создается единый фронт фашистского наступления на рабочий класс. Буржуазия сплачивает свои силы перед лицом общего своего врага — пролетариата — для самой ожесточенной борьбы за еще боль-

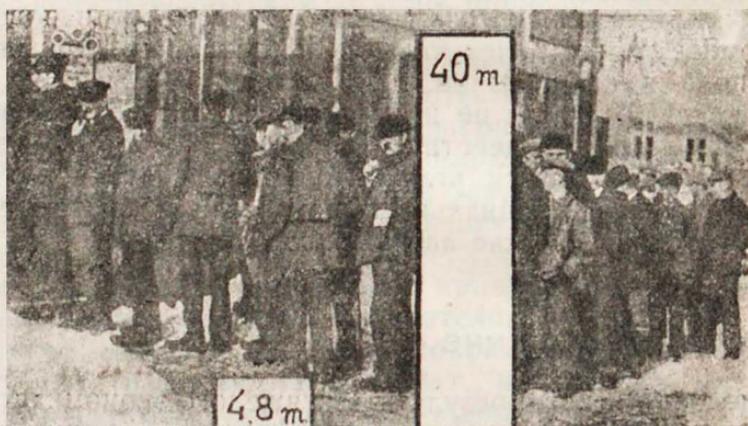

Рис. 2. Число безработных Латвии в тысячах человек в 1925 г. [Б] и в 1931 г.

шее ограбление масс и обеспечение своих доходов повышением цен на хлеб, повышением налогов, введением монополий, экспортных премий из казны и т. д.

Каково же действительное положение рабочих и всех трудящихся в „демократической“ Латвии?

В Латвии имеются целые безработные города. В конце 1931 г. в г. Шлоке на 4 тыс. жителей было 1500 безработных, в г. Виндаве на 2500 промышленных рабочих — 2300 безработных и т. д. Имел место ряд случаев в Риге, Туккуме, когда голодающие матери, не получая помощи, бросали своих малолетних детей в кабинетах и приемных министров и городских самоуправлений.

Одну из таких сцен описывает „Социал-демократ“: „Безработные, видя, что городской голова не хочет ничего делать для облегчения их положения, пришли в полное

отчаяние и заявили, что не оставят помещения до тех пор, пока не получат обещания о принятии каких-либо мер, чтобы спасти детей от гибели. Некоторые матери, которые имели с собой несколько детей, оставили их в кабинете городского головы. Плачущие дети бросились за матерями. В кабинете городского головы происходили потрясающие сцены.

За годы существования буржуазной Латвии количество сельхозрабочих увеличилось с 200 до 300 тыс. человек. Положение этой громадной армии сельских пролетариев ужасающее в связи с сокращением со стороны кулачества части постоянных работников и переходом на дешевую поденщину, оставляющую неиспользованными большие резервы наемной рабочей силы в деревне.

О тяжелом положении сельхозрабочих говорит одна из газетных корреспонденций:

„Местные кулаки держат своих рабочих в таких помещениях, что они сами просятся спать в хлеву. Работать приходится 16—19 часов в сутки, не считая времени на ночное кормление лошадей. Обычная еда—каша со снятым молоком, чай с сахарином.“

С заработками на селе настолько трудно, что несмотря на кошмар городской безработицы идет бегство из деревни в города. Это свидетельствует о резком процессе пролетаризации села.

Но буржуазии мало собственной резервной армии. Поэтому ежегодно ввозится 30—40 тыс. рабочих из Польши, Литвы и внутренней колонии Латвии Латгалии. И игра стоит свеч. За 10 лет комиссионеры специальных вербовочных бюро доставляют этих белых рабов „серым баронам“—кулакам—с оплатой их труда на 25—30% ниже оплаты местных рабочих.

Об этой торговле белыми рабами газета „Социал-демократ“ пишет: „В Митаве на Католической улице существует какое-то „Бюро труда объединения сельхозорганизаций“, которое занимается импортом иностранных рабочих и латгальцев. За наем рабочих при посредстве этого бюро платят за батрачку 5 лат, за батрака треть лата. Иностранных рабочих и латгальцев вербуют за 140 лат на все лето, местных же просто не берут, потому что они требуют 180 лат“.

С 1 мая 1932 г. прекращены общественные работы, сокращаются пособия, истекло время отсрочки по квартирной плате. Безработные обрекаются на голодовку. Что касается батраков, то никакого социального законодательства для них никогда не существовало.

Вся страна охвачена эпидемией самоубийств, растет проституция, происходит массовое „нарушение закона“ (читай,— буржуазной собственности) из-за куска хлеба, ради спасения от голодной смерти. Лишь в одном 1931 г. было 181 убийство и 13 040 крупных краж, тогда как в 1925 г. их было соответственно 126 и 9165.

Объявляя частную собственность „священной и неприкосновенной“, жестоко карая малейшее покушение на свои капиталы, буржуазия нисколько не задумывается над тем, чтобы во имя спасения высоких прибылей лишать всякой собственности тысячи трудящихся крестьян, обрекая их на нищету и вымирание, на пополнение голодной армии безработных. В Советском Союзе господствует общественная собственность, собственность рабочего государства, собственность обобществленного в колхозах трудового крестьянства. Малейшее покушение на эту собственность наносит ущерб жизненным интересам трудящихся—рабочих и колхозников, а не прибылям паразитов. Поэтому советская власть вправе широко карать (вплоть до расстрела) покушение на общественную собственность, на деле являющуюся священной и неприкосновенной.

Мы показали выше положение латвийских безработных. Но не лучше положение работающих. На фабриках и заводах рабочий день достигает 10—11 часов. В мелких предприятиях „мастерских“ люди работают „от солнца до солнца“. Поду грозой сокращения рабочим предлагается подписать бумагу о „добровольном согласии“ на удлинение рабочего дня, и не дело властей вмешиваться в эти „свободные отношения“ между трудом и капиталом в „свободной“ республике.

Охрана труда и техника безопасности фактически отсутствуют. Об этом красноречиво говорит сама буржуазная статистика. Количество несчастных случаев на производстве увеличилось с 546 в 1922 г. до 15 516 в 1929 г., в 30 раз!

Увеличивается эксплуатация женщин и детей. Процент работающих женщин достигал до войны 22, теперь 70; процент подростков в городе 47, на селе 33.

Реальная зарплата, никогда не достигавшая больше 84% довоенного, с наступлением кризиса резко сократилась, составляя от 1 до 2 лат в день. Месячный же паек для семьи стоит 120—130 лат. Денежная годовая зарплата батрака снизилась с 600 лат в 1927 г. до 200 лат в 1932 г., батрачки — с 400 лат до 130 лат.

Существует целая система снижения зарплаты — увольнение с приемом на худших условиях, перевод на низшие

категории, принуждение рабочих взять на себя взносы по страхкассе.

Рабочий лесопильного завода „Ливония“ пишет: „Работаем фактически 10 часов в сутки. За переработанные часы нам не платят. Хозяин лесопилки заставил нас подписать бумагу, где сказано, что рабочие берут на себя платежи по больничной кассе“.

Широкое распространение получила невыплата заработка. Даже по официальным данным невыплаченная зарплата весной 1931 г. составляла около 500 тыс. лат. Из 8000 рабочих жалоб уже в 1929 г.—2595 падало на невыплату заработка. Невыплата и понижение зарплаты являются одной из самых частых причин растущего числа экономических стачек.

На селе кулачество само устанавливает максимум зарплаты, выше которого никто не должен платить работнику. Линия кулачества — работник должен работать „за прокорм“. На кулацкой конференции в этом году делегат Лапин говорил: „Ни одного сантима больше того, что установлено; кто на этом не может прожить, пусть умирает с голоду“.

Таков язык классового врага.

Но кулачеству и этого мало. Оно уже теперь эксплуатирует за прокорм городских безработных, получая от государства еще премию по 10 лат в месяц за каждого. На своей конференции оно потребовало введения „рабочих книжек“ и отнятия у рабочих права передвижения. Это — законченные требования барина-крепостника.

Теперь рабочие книжки уже вводятся. Эти „волчьи паспорта“ должны „обеспечить контроль над нечестными (читай, — революционными) рабочими“.

В жестокой кулацкой кабале находятся самые широкие массы бедняцкого и середняцкого крестьянства.

После победы буржуазной контрреволюции была проведена так называемая земельная реформа — раздел помещичьих имений. Целью реформы было — уничтожение власти немецкого баронства и стремление буржуазии застраховаться от революции. Главное — борьба с революцией. Меньшевик Линдин прямо говорил: „Нам надо скорее провести реформу, чтобы вытравить коммунизм“.

Прикрепление батраков и бедняков к „своему уголку и клочку земли“, кроме того, должно было дать кулаку дешевую и зависимую рабочую силу.

Кулацкая реформа конечно не дала и не могла дать улучшение положения крестьянства. Увеличив в известной части слой кулацких хозяйств, создав новую группировку классовых сил и усилив, особенно в начале реформы, мелко-

собственнические настроения в стране, — реформа вместе с тем привела к снижению технического уровня земледелия и создала условия для еще большего и ускоренного расслоения села.

30 тыс. безземельных и малоземельных крестьян вовсе не получило земли. Абсолютное большинство новохозяйств с карликовыми наделами, без инвентаря, задавленные долгами и платежами, оказались явно нежизнеспособными. До 1930 г. уже было продано с молотка 5325 новохозяйств. Крах реформы выявился со всей определенностью.

Рис. 3. Расслоение латвийской деревни в 1929 году.

Резкое выражение кулацкий характер реформы получил в Латгалии. Учитывая близость СССР, латвийская буржуазия здесь прямо шла на примирение с местными польскими ксендзами и помещиками, на создание хуторских кулацких хозяйств по принципу „столыпинщины“. Часть земли была сохранена за помещиками, часть роздана в целях колонизации этого района различным „вождям“ армии. Общинные же земли были изрезаны на хутора, и созданы крепкие кулацкие хозяйства за счет ограбления широких масс латгальского крестьянства.

Искусственный земельный голод в Латгалии, аграрное перенаселение в условиях отсутствия работы вне села в результате такой „национальной политики“ латвийской буржуазии неимоверно увеличились.

Реформа содействовала усилению дифференциации и обострению классовых противоречий на селе.

В 1929 г. 77 тыс. (40%) бедняцких хозяйств имело всего-навсего 9% всей земли, 18% лошадей, 15% коров и 0,7% сельхозмашин, тогда как 41 тыс. (21%) кулацких хозяйств — 58% земли, 46% лошадей, 51% коров и 85% всех сельхозмашин. К 1930 г. в Латвии уже было новых 1184 хозяйств помещичьего типа. Из 77 тыс. бедняцких хозяйств 17 тыс. являются безлошадными и до 10 тыс. безлошадными и бескоровными. В Латгалии 52% всех хозяйств являются бедняцкими.

Кризис со всей своей тяжестью ложится на массы бедняцких и середняцких хозяйств. Попавшие в кабалу банков

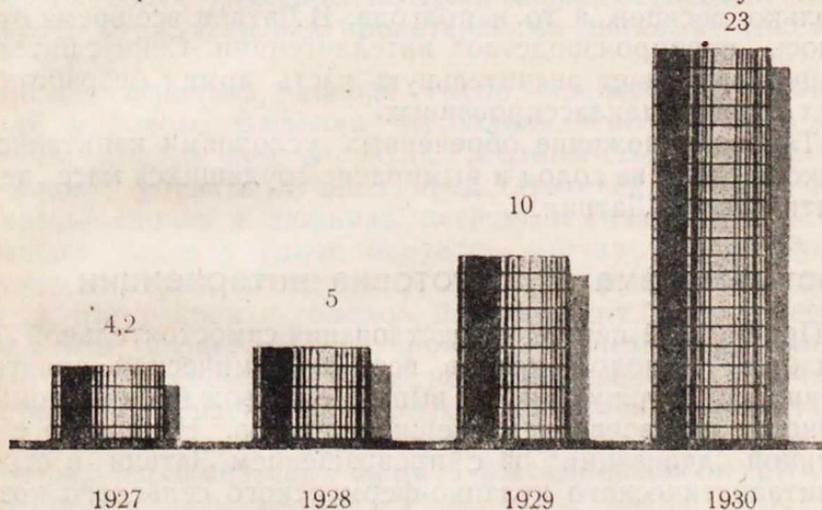

Рис. 4. Сумма неуплаченных латвийскими крестьянами налогов в млн. лат.

и кулачества, задавленные налогами и платежами латвийские беднота и середнячество разоряются, их хозяйства идут с молотка. Количество торгов по сравнению с 1925 г. возросло колоссально — в 32 раза. Несмотря на падение цен на сельхозпродукты, земельная рента растет. В латвийской деревне пышно расцветают отработки, ростовщичество, голодная аренда.

Положение масс крестьянства характеризуют данные о поступлении налогов. Сумма неуплаченных налогов, несмотря на всю тяжесть репрессий, с 1928 по 1930 г. увеличилась в пять раз, с 5 до 23 млн. лат. Центр тяжести однако лежит не в прямых, а в косвенных налогах. Косвенные налоги дают 81% государственного бюджета и еще к 1930 г. достигли 110 млн. лат, по 60 лат на человека.

Налоговый аппарат в Латвии является важнейшим рычагом ограбления масс и перекачки средств в карман буржуазии в виде кредитов, прилат и экспортных премий.

Безвыходное положение широких крестьянских масс Латвии хорошо выразил один из делегатов Латгальской крестьянской конференции: „Мы, — говорил он, — больше не имеем своего хозяйства, мы лишь охраняем остатки своего хозяйства и следим за уплатой процентов“.

Острое недовольство нарастает в массах городской мелкой буржуазии. Снижение зарплаты низшим служащим, введение специального кризисного налога, рост дороговизны — характеризуют положение этих социальных слоев. Учителя, агрономы, врачи не получают жалованья по несколько месяцев, а то и полгода. В Латвии все время отмечалось „перепроизводство“ интеллигенции. Сейчас интеллигенция заполняет значительную часть армии безработных, идет в ряды деклассированных.

Таково положение обреченных условиями капиталистического строя на голод и вымирание трудящихся масс „демократической“ Латвии.

Рост фашизма и подготовка интервенции

Прошедший период существования самостоятельной Латвии был периодом крахов всей экономической политики латвийской буржуазии. Не вышло с возрождением промышленности и завоеванием внешних рынков. Не вышло с политикой „данизации“ и с превращением Латвии в страну капиталистического кулацко-фермерского сельского хозяйства. Аграрная реформа оказалась новым источником противоречий.

Вытесненная мировой конкуренцией с внешних рынков латвийская буржуазия бросилась спасать внутренний рынок, но в условиях переплетения промышленного кризиса с аграрным, в условиях колоссального обнищания масс база последнего все более суживается.

Вместе с „экономполитикой“ рухнула и „политика гарантий“ от революции. В буржуазной прессе все больше поднимаются пессимистические голоса и уклон в мистицизм.¹ „Порядок производства, который мы так защищали, поря-

¹ Мистицизм — верование в сверхъестественные силы, религиозное воззрение, допускающее общение людей с „божественными“ силами. Мистика, вроде всяких чудес обновления икон, спиритических разговоров с загробным миром и пр., нужна буржуазии, чтобы отвлечь трудящихся от классовой борьбы в область религиозной фантастики.

док производства с закрытыми глазами, основанный на свободном соревновании, обращается против нас с весьма грозным оружием" — пишет фашистский журнал „Айзсаргс“.

Это грозное оружие — оружие пролетарской революции. Красный призрак мощной поступи пролетарских масс бродит по городам и селам Латвии.

Поиски капиталистических методов выхода из кризиса за счет трудящихся увлекают буржуазию на путь открыто-фашистской реакции.

Фашизм как показатель загнивания капитализма есть вместе с тем откровенное выражение наступления господствующих классов на жизненный уровень масс и их социальные и политические завоевания. Фашизм — это „доведенная до чудовищных размеров централизация государственного аппарата буржуазии над пролетарскими массами“ (Мануильский).

Лозунг фашизма, говоря грубо, циничными словами вояды мирового фашизма Муссолини, — это „готовность убивать, прежде чем умирать“. „Готовность“ из-за угла и „легально“ убивать лучших представителей рабочих, „готовность“ гноить в тюрьмах десятки и сотни тысяч осмелившихся поднять голос протеста против ужасов существующего строя, „готовность“ убивать бешеной эксплуатацией, изнурением и голодом широкие трудящиеся массы.

Фашизм осуществляет откровенную диктатуру буржуазии двояким способом: или непосредственным захватом власти и установлением открытой фашистской диктатуры или широким использованием и приспособлением существующих парламентских форм буржуазной диктатуры для своих целей.

Латвийский фашизм идет пока еще этим вторым путем. В Латвии нет еще открытой фашистской диктатуры.

По конституции Латвия является „демократической республикой“ с сеймом из 100 человек, избираемым на три года всеобщим голосованием, и с президентом, избираемым сеймом. Кабинет министров ответственен перед сеймом.

Латвийская буржуазия еще „терпит“ сейм, поскольку под маской буржуазного демократизма и парламентаризма он содействует ограблению народных масс. Вместе с тем с обострением классовой борьбы в стране, буржуазия все больше прибегает к § 81 конституции¹ и открыто ставит вопрос о проведении фашистского переворота. Угроза

¹ § 81 конституции дает право правительству издавать чрезвычайные законы без предварительного одобрения парламента (сейма).

фашистского переворота в Латвии сейчас стоит острее, чем когда-либо раньше.

Главой фашистского движения, его идейным вождем является партия финансового капитала, „латвийское национальное объединение“.

Придерживаясь самой реакционной внутренней политики и исключительной враждебности к СССР, „национальное объединение“ является центром организации фашистских сил. Будучи вместе с тем тесно связанной с иностранным капиталом, „объединение“ является его агентом в Латвии, активным проводником антисоветских, интервенционистских планов французского и английского капиталов и польского великодержавного фашизма.

Еще в 1922 г. поучившийся у самого Муссолини фашист проф. Озолин писал: „Для оздоровления латвийской государственности нужен активный фашизм“. Это был призыв. С этого времени начинается быстрое развертывание фашистских организаций: „Патриотическая лига“, „Страж Латвии“, „Страж отечества“, „Латвийские соколы“, „Акропольцы“.

Кадрами этих организаций являлись денежная, торговая и промышленная буржуазия, домовладельцы, духовенство, офицерство армии и запаса, буржуазное студенчество и в „акропольцах“ деклассированный и уголовный элемент.

Созданные по всей стране фашистские кружки проявляют свою „деятельность“ нападением на редакции газет, устройством скандалов на рабочих собраниях, избиванием рабочих демонстрантов, убийством рабочих, организацией штрейкбрехерства.

„Коммунизм является орудием красного империализма“, — пишет в „установках“ фашистский „Национальный клуб“, — „беспощадную борьбу с коммунистами мы всегда будем приветствовать и поддерживать“... Что может быть яснее?

Рука империалистов, тесная связь латвийского фашизма с интервенционистской политикой французского и английского капитала видна во всей „деятельности“ латвийских фашистов. Попытка фашистского переворота — Вольмарский путч¹ Олиня в 1926 г. был организован при непосредственном участии английского капитала. Он имел целью срыв советско-латвийского торгового договора и ухудшение взаимоотношений между Латвией и СССР.

Важнейшей силой фашизма в Латвии является кулацкий „крестьянский союз“. „Крестьянский союз“ опирается

¹ Путч — попытка государственного переворота.

на довольно широкую массу латвийского кулачества и многими нитями связан с верхушечными слоями мелкой буржуазии города и села, с буржуазной интеллигенцией и зажиточным крестьянством. Громадная 35-тысячная армия латвийских „айзсаргов“ — эта вооруженная сила латвийского фашизма — целиком находится в руках „крестьянского союза“. Фашистский переворот не может произойти без участия „крестьянского союза“ с его армией „айзсаргов“.

С углублением кризиса фашистская активность кулачества растет не по дням, а по часам. Уже 1930 и 1931 г. г. были ознаменованы фашистскими походами кулачества на Ригу и подготовкой переворота по лапуасскому¹ образцу.

Выборы в сейм 1931 г. показали дальнейшее усиление социальной базы фашизма путем обращения в фашистскую „веру“ масс мелкой буржуазии, и следовательно усиления угрозы открытого фашистского переворота.

Поражение открыто правых партий и отход масс от социал-фашистов в условиях исключительного террора против компартии дали на последних выборах усиление мелкобуржуазных партий „центра“. „Идя на выборы под маской борьбы с расточительством за бережливость и политику „чистых“ рук под лозунгом, что „Латвию необходимо освободить еще раз“, что „нужно народное правительство“, и развивая бешеный национал-шовинизм... эти организаторы шовинистских сил (партия „новохозяев“, демократический центр, латгальские прогрессисты—*И. Р.*) увлекли за собой довольно значительные массы... Нарастающее недовольство мелкобуржуазных масс им удалось, хотя и временно, отвлечь от революционного пути и направить в русло фашистского движения“. (Пленум ЦК Латкомпартии 1932 г.)

Успехи партий центра на выборах привели к созданию так называемого правительства „национального пробуждения“ во главе с бывшим меньшевиком Скуенеком.

Латвийская буржуазия вынуждена всячески маскировать свое бешеное наступление на рабочий класс лживыми лозунгами „национального освобождения“, идти на использование парламентских форм своей диктатуры, одновременно всячески приспособляя их к интересам фашизма. Причины этого — высокая революционность рабочих масс, основанная на давних революционных традициях латвийского пролетариата, растущие симпатии масс к стране Советов.

¹ Лапуасцы — прозвище фашистских организаций Финляндии.

Правительство Скуенека — это правительство самой оголтелой реакции, правительство прямого проведения фашистского переворота в Латвии. Демагогически используя острое недовольство масс, разжигая самый свирепый национализм и шовинизм, Скуенек в роли латвийского Пилсудского выполняет социальный заказ финансового капитала и кулачества — фашизировать страну.

Правительство Скуенека характерно бешеным террором, направленным против революционного движения, непрерывными и массовыми арестами, закрытием всех легальных левых рабочих организаций, расстрелами рабочих демонстрантов, ведением широкой кампании по ликвидации рабоче-крестьянской фракции сейма, наконец всемерно усиленным угнетением трудящихся нацменьшинств.

Недавно введен новый судебный кодекс. Отличительной особенностью этого кодекса от прежнего царского (1793г.) является то, что он целиком направлен против рабочего класса.

Меры наказания за все так называемые „политические преступления“ увеличены в полтора, в два раза. Новый кодекс полностью исключает возможность стачек, существование левой печати и т. д. За прямой призыв к стачке, если даже он не имел никаких последствий, грозит осуждение на несколько лет. Таких наказаний не знал царский судебный кодекс и царский суд.

Депутат рабоче-крестьянской фракции сейма Мезис уже помещен в Рижской тюрьме, выданы суду депутаты Ландовский, Янкус, Межул, Ершов, недавно арестован депутат Фр. Берг. Вот факты, иллюстрирующие расправу фашистской буржуазии с революционным рабочим движением.

С еще большей силой правительством Скуенека ведется наступление на жизненный уровень масс. Уже приняты решения об экспортных премиях кулачеству на масло и бекон, о введении хлебной монополии и повышении цен на хлеб, об увеличении на 300—400% таможенных тарифов, об окончательной ликвидации социального страхования. В результате этих мероприятий буржуазия и кулачество надеются положить в свой карман за счет масс налогоплательщиков новые и новые десятки миллионов лат. По подсчетам одни премии на экспорт потребуют от государства до 20 млн. лат.

Но все эти мероприятия, рассчитанные на еще большее ограбление масс, не дают выхода из кризиса. Результат их может быть только один — дальнейший рост прямых и косвенных налогов, еще большее сужение внутреннего рынка, еще большее обнищание масс и ускорение революционного взрыва.

Кризис Латвии есть выражение общего кризиса капитализма, наступившего в результате мировой войны 1914—1918 г.г. Кризис Латвии своеобразно отражает все углубляющийся мировой экономический кризис, развивающийся на основе общего кризиса капиталистической системы. Кризис Латвии как и мировой экономический кризис протекает на фоне исключительно высокого подъема народного хозяйства и укрепления мощи социалистической

Рис. 5. Арест депутата рабоче-крестьянской фракции сейма тов. Мезиса.

страны, которая наглядно доказывает на практике колоссальные преимущества социалистической системы перед загнивающей капиталистической системой хозяйства.

„Противоречия между капиталистической и социалистической системами никогда еще не развивались с такой силой, и преимущества социалистической системы перед капиталистической никогда не выражались так наглядно, как сейчас“ (XI пленум ИККИ).

Дальнейшее углубление кризиса доводит до крайнего обострения все противоречия капитализма, в первую голову, классовые, ускоряет процесс революционизирования, большевизации эксплуатируемых масс, назревание нового пери-

ода решительных боев между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией. Революционный выход из кризиса — такова конкретная ближайшая задача классовой борьбы пролетариата и его вождя — компартий в капиталистических странах.

Буржуазия, однако, рассчитывает выйти из кризиса капиталистическим путем, т. е. спасти свою диктатуру, сохранить режим эксплуатации, колониального грабежа и массовой пауперизации. Этот выход она ищет на путях фашизации государственного аппарата, на путях наступления на жизненные интересы трудящихся, на путях организации новой мировой империалистической войны, раньше всего на путях интервенции в СССР, представляющей реальную угрозу самому существованию капитализма и являющейся мощным плацдармом мировой пролетарской революции.

Естественно, что в обстановке острейшего экономического кризиса, в обстановке грозного роста революционного движения в стране, фашизирующаяся латвийская буржуазия все больше и все активнее присоединяет свой голос к голосу интервенции, видит в войне против СССР единственный выход для себя. Латвийский фашизм питает надежду, что интервенция против СССР и участие в ней Латвии:

— дадут возможность потопить в крови назревающую пролетарскую революцию в Латвии, окончательно расправиться с революционным движением в стране;

— дадут возможность окончательно расправиться с недовольными, революционными массами латгальского крестьянства, завоевать еще раз Латгалию;

— дадут возможность окончательно и навсегда покончить с „коммунистической опасностью“ — Советским Союзом, этим очагом мировой революции;

— дадут возможность нового выхода на рынки Востока для латвийской промышленности, расширить базу капиталистической эксплуатации присоединением новых областей.

Латвия — орудие империализма в подготовке войны против СССР

Второй важнейшей предпосылкой активной антисоветской политики Латвии является возрастающая зависимость ее от иностранного капитала, роль Латвии как орудия мирового империализма в подготовке антисоветской войны.

Латвия на поводе империалистов

Выход из кризиса, выход из назревающей пролетарской революции — вот что ищет латвийский фашизм в контрреволюционной, антисоветской войне.

Однако Латвия, этот карлик, родившийся в результате балканизации¹ Прибалтики, далеко не выступал так задирчиво, если бы за спиной не стояли его фактические хозяева — империалистическая буржуазия Франции, Англии, Польши.

Идя на создание Латвии, равно как и на создание прочих лимитрофов — Эстонии и Финляндии, — победители в мировой войне, Франция и Англия, ставили открытую ставку на создание антисоветского окружения СССР.

„Стена лимитрофов“ должна была представлять собою „санитарный кордон“ от проникновения „большевистской заразы“ в Европу, служить плацдармом для развертывания будущих интервенционистских армий империалистов, явиться источником живого пушечного мяса для новой антисоветской авантюры.

¹ Балканизация — слово, вошедшее в употребление после Балканских войн 1912 — 1913 гг., раздробивших Балканский полуостров на ряд мелких государств — вассалов империалистических Англии, Франции, Германии и России.

Для проведения этой своей политики империалисты обладают достаточно сильными рычагами экономического, а следовательно и политического давления на Латвию.

Иностранный капитал глубоко проник в поры народного хозяйства Латвии, охватил все его отрасли: промышленность, банки, внешнюю торговлю, транспорт. Доля иностранных капиталов в латвийской промышленности еще в 1929 г. составляла 62%, в банках — 63%, в торговле — 30%, в путях сообщения — 55%, в остальных отраслях — 35%.

Основное место в иностранных вложениях в Латвии, наряду с большим количеством германских капиталов, принадлежит капиталам Англии и Франции. К 1929 г. сумма капиталов этих трех стран достигла 36 млн. лат или свыше 20% всего акционерного капитала в Латвии. На долю Германии, Англии и Франции приходится 58% латвийского экспорта и 54% импорта. Интервенционистский английский и французский капитал тесно связан с широко представленными в Латвии капиталами Бельгии, Швеции, Чехо-Словакии, Польши.

В Латвии находится свыше 9 млн. лат капиталов русских белогвардейцев. Капиталы белоэмигрантов занимают третье место среди всех иностранных вложений в Латвии.

Внешние долги Латвии к 1930 г. выросли до 113 млн. лат, составляя примерно по 60 лат на каждого жителя, не исключая детей и стариков. Из них долг Англии — 54 млн. лат, Соединенным штатам Америки — 28 млн. лат, Шведскому спичечному тресту застрелившегося Крейгера — 31 млн. лат.

Понятно, что в условиях подчинения Латвии влиянию империалистов внешняя политика Латвии в большей мере формируется в министерских кабинетах и генеральных штабах Франции и Англии. Латвийской буржуазии остается только „проводить в жизнь“ предписанную „линию“. И надо отдать справедливость, эту „линию“ латвийская буржуазия проводит с величайшим рвением. Об этом ярко говорят факты.

1) В период войны с Советами латвийская буржуазия отнюдь не ограничивалась рамками, как она называет, „национальной освободительной войны“, а любезно предоставила свою территорию для формирования банд известной „северо-западной армии“ русских белогвардейцев (Юденич) и для вербовки солдат для барона Врангеля. Латвийская буржуазия прямо сотрудничала с русской бело-

гвардейщиной по осуществлению ее планов контрреволюции в России.

2) В 1920 г. Латвия на Гельсингфорской конференции лимитрофов активно поддерживала французский проект „союза пяти“ против СССР.

3) Ради этого „союза“ Латвия в 1922 г. ратифицировала Варшавский договор лимитрофов о военном союзе. Шведская и немецкая печать в это время писали о заключении Латвией военной конвенции с Францией.

4) В 1925 г. Латвия вместе с другими лимитрофами саботировала предложенный Советским Союзом гарантийный пакт, отстаивая идею договора с блоком стран, идею „круглого стола“.

5) В 1926 г. в Латвии по указке и при поддержке Англии делается попытка фашистского переворота, рассчитанная на срыв советско-латвийского торгового договора и ухудшение взаимоотношений с СССР.

Таковы факты.

Латвия заключила с нами торговый договор и даже пакт о ненападении.

Объясняются эти шаги латвийского правительства теми противоречиями, которые имеются в среде мировой буржуазии. К этим противоречиям относятся противоречия между английским, французским и богато представленным в Латвии германским капиталом, противоречия между Латвией и Польшей на почве требования Польшей границ 1772 г., включавших Латгалию, Двинск, порт Либаву и значительную часть остальной территории современной Латвии, и наконец противоречия между группами латвийской буржуазии, различно заинтересованными в торговле с СССР. В торговле с СССР заинтересованы в первую очередь промышленная буржуазия и некоторые слои кулачества, экспортирующие в СССР племенной скот.

Но было бы величайшей ошибкой переоценивать эти противоречия. Они являются выражением имеющихся среди буржуазии в отношении СССР двух тенденций: одной так называемой „мирной“, другой — резко наступательной, военной.

Потеряв надежду на внутреннее перерождение советской власти и видя быстрый рост социализма СССР на фоне все углубляющегося кризиса в капиталистических странах, латвийская буржуазия все решительнее будет брать воинственный тон, и этот тон уже теперь определяет политические тенденции господствующих классов Латвии.

Начиная с 1928 г., в Латвии заметно усиливается французское влияние и французская линия подготовки интер-

венции. Ставшая фактическим гегемоном в Европе, французская буржуазия активно становится во главе организации интервенции в том числе и на ее Прибалтийском участке.

Еще в феврале 1928 г. Латвию посещает французский генерал Шарпи. По времени это совпадает с известным антисоветским выпадом маршала Фоша. Одновременно другой французский генерал Франше д'Эспере „посещает“ Польшу, а польский генерал Сосновский командирован в Бухарест (Румыния). С этого времени поездки различных генералов значительно учащаются. Французский и английский генеральные штабы вплотную подходят к вопросам подготовки латвийской армии. Латвийскую армию инспектируют, реорганизуют, приспособляют к задачам антисоветской войны.

Антисоветская активность фашизирующейся латвийской буржуазии усиливается и по другим линиям. Латвия принимает самое деятельное участие во всех так называемых „аграрных“ конференциях, в частности в Варшавской конференции 1932 года, организованных по инициативе французского империализма и поставивших целью экономическую изоляцию СССР.

Фашистская буржуазия прямо провоцирует срыв советско-латвийского торгового договора, в наличии которого, кстати сказать, в сотни раз больше заинтересована Латвия, чем Советский Союз. Орган фашистского „национального объединения“ изо дня в день переполняется статьями о „невыгодности“ для Латвии договора, о „невыполнении русскими“ своих обязательств, о „подчинении“ латвийской внешней политики СССР и т. д. и т. д.

Вся фальшь этих измышлений легко вскрывается. В то время как торговый баланс Латвии в отношении СССР все время остается активным и торговый договор дает работу свыше 20 тыс. латвийским рабочим, торговля Латвии с Польшей дает колоссальный пассив, продолжающий непрерывно расти. За 3 месяца 1932 г. Польша ввезла в Латвию товаров в 40 раз больше, чем вывезено из Латвии в Польшу, а именно: ввезено на 2720 тыс. лат, а вывезено на 60 тыс. лат. О действительной, а отнюдь не мнимой, невыгодности торговых отношений с Польшей латвийская буржуазия предпочитает умолчать.

О том, каковы подлинные „основы“ такой „политики“ латвийской буржуазии, лишний раз говорят последние переговоры Латвии с Францией о получении займа для укрепления расшатывающихся латвийских финансов.

Согласно данным печати Латвия заключает во Франции заем в 22 млн. лат для стабилизации своей валюты. В са-

мом факте заключения такого займа нет еще ничего особенного. Важно однако то, что Латвия по условиям займа обязуется приобрести во Франции 12 локомотивов, построить 120 км железнодорожных путей (что не вызывается, конечно, хозяйственными потребностями Латвии, а военно-стратегическими соображениями), обеспечить новые линии всеми необходимыми эксплуатационными постройками и лишь 2 млн. лат ассигнуется на укрепление латвийских финансов.

Знаменательно также, что латвийский министр финансов Аннус отказался от ознакомления сейма с содержанием этого договора, ссылаясь на его сугубо секретный характер. И понятно, почему здесь со всей очевидностью проглядывает военная, антисоветская природа займа.

Блок лимитрофов против СССР

Политика окружения СССР, организуемого империалистами, все время исходила и продолжает исходить из создания так называемого прибалтийского блока стран с участием и под руководством Польши.

Империалисты и буржуазия лимитрофов прекрасно отдают себе отчет в том, что сама по себе ни одна из этих стран не имеет сколько-нибудь серьезного значения и что сама идея единого вооруженного фронта интервенции „от стенки до стенки“, от моря до моря, требует известного политического объединения и согласованных действий этих стран.

Латвийская буржуазия относится чрезвычайно положительно к идее создания антисоветского Прибалтийского блока стран. Создание блока прибалтов против СССР прямо входит в программу латвийского фашизма.

Между Латвией и Эстонией уже существует военный договор, предусматривающий совместное выступление обеих стран во время войны. Этот договор возник непосредственно в результате борьбы латвийской и эстонской буржуазии против Советов, и антисоветская направленность его очевидна.

Весной 1931 г. руководящая партия латвийского фашизма — „национальное объединение“ („бергисты“) выступила официально со своей программой. В этой программе самой черной реакции в разделе „Внешняя политика“ мы читаем;

„Необходимо:

1. Заключение союзов с государствами и группами государств, которым так же как и Латвии грозит (?) опасность от одних и тех же противников.

2. Установление и укрепление связей с государствами, прилегающими к Балтийскому морю.

3. Нахождение связей с теми великими державами, у которых имеются естественные противоречия (?) их интересов с возможными (?) врагами Латвии“.

Вот и вся эта программа внешней или лучше военной политики латвийских фашистов. Три пункта и три друга повторяющих требования о блоке, всем своим острием направленного проти СССР. Словечки „грозит опасность“ никого обмануть не могут. Буржуазия, подготавливая войну, лихорадочно вооружаясь и нападая с открытым забралом, всегда кричит — „оборона“, как застигнутый вор кричит: „караул“, „держи“, „обокрали“.

Весь рабочий класс СССР знает, что империалисты в идеологической подготовке войны уже давно „сменили пластинку“. Вместо прежнего „спасай Россию от большевиков“ они кричат теперь „спасай Европу от коммунистического нашествия и красной опасности“.

Настоящий смысл фашистских „пунктов“ поэтому состоит в том, что они требуют блока по всем линиям, самого широкого блока с отдельными странами и группами стран (Польша—Румыния) при прямой поддержке империалистов Франции и Англии.

В создании антисоветского блока из стран Прибалтики империалисты выдвигают **два варианта**: так называемый „южный“ блок — из Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, и „северный блок“ — из Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Швеции, Норвегии и Дании.

Было бы величайшей ошибкой искать в этих блоках какого-либо принципиального различия, разве только что за „северным“ блоком больше чувствуется рука Англии, за „южным“ — Франции. По существу же выставление двух блоков имеет целью втягивание в антисоветскую авантюру новых участников, расширение блока и облегчение дальнейшего объединения этих двух блоков.

В латвийской буржуазной печати вопрос об отношении к тому или иному блоку, о сравнительной антисоветской „ценности“ каждого из них обсуждается совершенно открыто. „Чтобы решить, — пишет фашистская „Пирмдена“, — какая коалиция более приемлема в случае конфликта с Востоком (с СССР—И. Р.), определим их стратегическую базу“. И

газета, „тщательно подсчитав“, определяет: СССР в случае войны выставит 645 батальонов, 576 эскадронов и 4482 орудия; „южная“ коалиция 617 батальонов, 357 эскадронов и 3860 орудий; „северная“ же коалиция—всего лишь 209 батальонов, 71 эскадрон, 1028 орудий. „Преимущества“ таким образом явно остаются за „южной“ коалицией.

Газета не довольствуется одним цифровым количественным сравнением, а ставит вопрос о „внутренней крепости“ обеих коалиций. Газета прекрасно понимает, что воюют не орудия, пулеметы, танки, а живые люди — рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, что в будущей классовой войне против СССР этому вопросу будет принадлежать решающее значение. Газета и с этой стороны отдает предпочтение „южной“ коалиции. На Швецию и Норвегию, по мнению газеты, „не особенно-то можно надеяться“. Другое дело Польша и Румыния, о там „умеют бороться“ с коммунистами и революционным движением! К тому же оказывается, что „коалицию с Польшей и Румынией гораздо легче осуществить и дипломатически“. И еще бы, вся линия Польши есть линия сколачивания антисоветского блока в Прибалтике под своим руководством!

В пользу Польши высказывается и латвийский генеральный штаб. Умерший недавно генерал Радзин в свое время писал: „Необходимо притти к заключению, что в случае польско-русской войны мы меньше рискуем, заключая блок с первыми, чем оставаясь нейтральными“. Радзин ставит польскую армию в образец для латвийской армии. Следуя примеру Радзина аналогично высказался и целый ряд других латвийских генералов — Калейс и другие.

Латвийский фашизм и его генеральный штаб таким образом целиком высказываются за блок, и притом за блок с Польшей.

Это не значит, что Латвия так или иначе не связана и с „северным“ блоком. Наоборот. Наличие этих связей не так еще давно было продемонстрировано посещением Латвии шведским королем и ответным визитом латвийского президента Земгала в Швецию.

В обстановке усиливающегося обострения экономического кризиса и конкретной постановки империалистами вопроса об антисоветской войне — сколачивание антисоветского балтийского блока быстро подвигается к концу.

Эстония, начиная еще с 1924 г., со времени Ревельского восстания коммунистов, является активной сторонницей польской политики. К этой же политике все больше

начинает склоняться и Финляндия. Наконец недавно заключенный латвийско-литовский торговый договор польской прессой прямо оценивался как факт, благоприятный для Польши, указывающий на „консолидацию“ антисоветских сил в Прибалтике.

Можно безошибочно утверждать, что между лимитрофами **существует определенная договоренность** на случай антисоветской войны. Об этом довольно прозрачно высказывается латвийская армейская газета: „Нам нужны друзья и резервы вне нашей страны, которые в случае необходимости могли бы нам притти на помощь. Нам известно, что в этой области что-то сделано. Очевидно, мы не будем одни“. Это явный намек на сговор, на секретное соглашение против СССР.

В заявлении газеты однако нет ничего особо нового.

Пока дипломатия лимитрофов еще возится с блоками и договорами, договор между практичными генералами и генеральными штабами несомненно уже заключен, и генералы действуют. Еще в 1925 г., когда буржуазия лимитрофов на Гельсингфорской конференции не смогла сговориться насчет заключения блока, в Риге состоялось совершенно секретное совещание генеральных штабов, где в тесном единении решались вопросы антисоветской войны.

С этого времени совещание генеральных штабов проводится регулярно каждый год. Это дает основания полагать, что вся работа по строительству и боевой подготовке армий и по разработке оперативных планов войны с Советским Союзом лимитрофами ведется при ближайшем участии и под руководством Польши.

Об этом же говорят взаимные командировки и стажировка офицеров, обеспечивающие установление единства взглядов по основным оперативно-тактическим вопросам между союзниками коалиционной войны. Латвия, не щадя своих бедных финансов, обильно командует офицеров во Францию, в Польшу, в Финляндию. Командир Земгальской дивизии генерал Данкер посетил в этом году эстонские гарнизоны в Ревеле, в Нарве, в Юрьеве. В этом же году были организованы совместные полевые занятия окончивших курсы эстонских и латвийских офицеров. Состоянием латвийской армии в этом году усиленно интересовался шведский полковник Фолькман. Он посетил целый ряд частей латвийской армии. Совсем недавно Латвия заключила договор с польским обществом воздушных сообщений „Лот“ по подготовке латвийских летчиков. Такой же договор с обществом „Лот“ заключен Эстонией.

Латвийские и эстонские летчики с этого времени будут готовиться в Польше.

Объединена и шпионская деятельность лимитрофов в СССР. На шпионских процессах фон Адеркаса и эстонца Брика было точно установлено, что контрразведки лимитрофов взаимно обмениваются добытыми сведениями и снабжают ими своих хозяев, Францию и Англию. В отношении Латвии дополнительно было установлено сотрудничество с агентурой парижского белоэмигрантского монархического центра—сторонников бывшего великого князя Николая Николаевича.

Вместе с тем выставляются требования и обсуждаются проекты захвата советской территории. Финские фашисты, как известно, хотят погреть свои руки у ценных Карельских лесов, захватить Ленинград и всю Ингерманландию и дойти „вплоть до Уральских гор“. Эстония претендует на Псков. Латвия в свою очередь претендует на 12 волостей соседних с Латгалией и на получение от СССР денежной контрибуции ни много ни мало как в сумме 76 млн. руб. золотом.

Как видим, аппетиты у этих мелких сторожевых псов империализма громадны. Буржуазии лимитрофов мерещутся и не дают покоя обещанные империалистами новые возможности эксплуатации трудящихся масс.

Подготовка Латвии к интервенции

Повседневная, черновая работа по подготовке интервенции латвийской буржуазией ведется по всем линиям и с величайшей энергией и настойчивостью.

О сравнительном размахе этой подготовки со всей наглядностью говорит латвийский военный бюджет. Латвия расходует на армию и на так называемую „внутреннюю оборону“, т. е. на борьбу с революционным движением в стране, колоссальные суммы, отнюдь не отвечающие ее действительным возможностям. Расходы на армию во все эти годы доходят до 33% государственного бюджета.

В 1931/32 г. из бюджета в 175 млн. лат было ассигновано на армию 38,7 млн лат, на полицию 17,1 млн. лат, а из бюджета 1932/33 г. вместе с расходами на полицию, погранохрану и на „айсаров“ около 62 млн. лат, или около половины всего бюджета. По сравнению с 1918—1922 гг.—годами войны—военный бюджет Латвии больше чем удвоился, поднявшись с 28,8 млн. лат до 62 млн. лат.

Расходы Латвии на армию ничуть не отстают от этих же расходов в Польше.

Официальные военные бюджеты однако далеко не исчерпывают всей суммы расходов на армию. Маскируя свое вооружение, буржуазия значительную часть расходов на армию относит за счет других министерств. Латвийская буржуазия этим методом пользуется особенно широко. Так, по одному министерству образования в бюджете 1931/32 г. было обнаружено ни больше ни меньше как 3,5 млн. лат „лишних расходов. Это почти 10% военного бюджета Латвии. В расходы „министерства образования были включены такие вещи, как „обучение солдат“ „издание руководства для младших командиров армии“ и т. д.

Большие средства тратятся на содержание и подготовку военно-фашистских организаций. Государственные ассигнования одному латвийскому шюцкору¹ „айзсаргам“ за последние три года увеличились с 348 тыс. лат до 448 тыс. лат или на 31%. Большие средства на вооружение идут и из местных городских и сельских самоуправлений. Самоуправления жертвуют ежегодно, а то и чаще, по 200—300—500 лат на приобретение броневиков для „айзсаргов“, устройство тиров, клубов и т. д. В целом эти пожертвования составляют добрый второй бюджет военно-фашистских организаций. Расходы по военной подготовке в школе целиком отнесены за счет самой школы. Маленькая Латвия, на стремления к вооружению которой мы привыкли смотреть подчас довольно пренебрежительно, оказывается относительно своих размеров **одним из сильно милитаризованных государств.** На экономически слабом рахитичном теле Латвии совершенно непропорционально выращена громадная военная голова, пожирающая добрую половину государственных и местных расходов.

Характеризуя эпоху империализма, Ленин писал: „Милитаризация пронизает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира, он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах и в нейтральных и в маленьких“.

Это последнее замечание т. Ленина относится целиком и к маленькой Латвии, где расходы на вооружение настолько велики, настолько несоответственны экономической базе, что составляют один из источников экономического кризиса.

¹ Ш ю ц к о р — вооруженная организация фашистов в Финляндии.

Но латвийской буржуазии мало этих расходов. Буржуазная печать систематически жалуется, что армии „не уделяется“ достаточно внимания, что армия „слаба технически“ и что до 90% военного бюджета уходит на „брюхо армии“, на ее содержание, и „ничего не остается“ для ее технического оснащения и совершенствования. На деле это лишь дымовая завеса для получения все новых и новых кредитов.

Численность латвийской армии, учитывая территорию и численность населения, неизмеримо велика. Состав армии

Рис. 6. На каждую 1 тысячу человек населения приходится:

мирного времени 20 тыс. человек, примерно 10 человек на 1 тыс. населения (СССР — 4 чел.). Это больше, чем в царской России, где на каждую 1 тыс. человек населения было 8 солдат. Обученный резерв Латвии достигает 150—160 тыс. человек. В случае войны Латвия может выставить до 180—200 тыс. солдат.

За последний ряд лет Латвия реорганизовала свою армию и улучшила ее техническое состояние. Армия состоит из четырех пехотных дивизий трехполкового состава. Каждая дивизия имеет свой арtpолк. Кроме того имеется техническая дивизия, в которую входит тяжелый

артиллерийский полк, автотанковый полк, авиационный полк и саперный полк. Полк бронепоездов подчинен инспектору артиллерии. Танков и бронемашин в латвийской армии имеется около 50, боевых самолетов 55. Кавалерийских полков имеется всего один.

Морской флот состоит из двух подводных лодок мало-го тоннажа, построенных во Франции, двух маленьких тральщиков и посыльного судна. Особого боевого значения латвийский „флот“ не имеет.

Армия вооружена однотипным оружием современных образцов, преимущественно английского происхождения (винтовки Ли и Росс Энфильд, английские пушки и т. д.).

Буржуазия принимает все меры для дальнейшего технического оснащения армии. Делаются закупки в Англии, Франции, Чехо-Словакии. Совсем недавно Латвия сделала крупный специальный заказ на 1½ млн. лат чехословацким военным заводам „Шкода“.

Почти не имея своей военно-промышленной базы, Латвия всю работу по вооружению и техническому оснащению армии базирует на заграничных заказах. Во время войны Латвия также будет вынуждена ориентироваться на доставку оружия и боеприпасов из-за границы, и в первую очередь из Англии и Франции. Понимая все неудобство такого положения, латвийская буржуазия делает попытки создать некоторые основы своей военной промышленности, используя для этого помощь империалистов. Такие попытки уже делаются. К ним в частности можно отнести создание небольших пороховых заводов, постройку завода по добычанию азота в Либаве и др.

Серьезное внимание уделяется боевой подготовке армии. Боевая подготовка в латвийской армии проводится с исключительной напряженностью. В 1931 году был отмечен ряд случаев, когда занятия проводились даже в воскресные дни.

Готовясь к войне против СССР, буржуазия проводит маневры своей армии **в приграничной с СССР Латгалии**. Офицерство при этом и не пытается скрыть, что целью маневров является репетиция войны против СССР. На вопросы солдат, почему маневры проводятся в Латгалии, а не на эстонской или литовской границе, дается ответ, что именно здесь „следует ожидать войну“. В Латгалии же расквартированы полки усиленного 3-батальонного состава, в отличие от полков остальных дивизий, имеющих в мирное время лишь два батальона.

Характерно, что маневры последних лет Латвией проводились совместно с Эстонией и Финляндией (бронетан-

ковые маневры, воздушные, морские маневры и т. д.). На морских маневрах, проводившихся у Ревеля, задачей была поставлена высадка десанта в тыл красным частям, дошедшим до Ревеля. Операция проводилась с расчетом на поддержку соединенного флота лимитрофов более сильным флотом империалистов. Это лишний раз подчеркивает открыто антисоветский и коалиционный характер военной подготовки лимитрофов.

Наряду с подготовкой армий ведется подготовка театра будущей войны. В Латвии царит настоящий психоз железнодорожного и шоссевого строительства. Построены и строятся дороги Рига—Руен, Рига—Корсовка и т. д. В экономически слабо развитой Латгалии, не представляющей для латвийской буржуазии другого интереса, кроме источника дешевой рабочей силы и выкачки налогов, строятся прекрасные шоссе, проводится новая железная дорога, собираются поставить мощную радиостанцию в Режице, в Двинске открывают большой аэродром и т. д.

Используя, по существу, бесплатный труд безработных, латвийская буржуазия ускоренным темпом оборудует плацдарм для развертывания антисоветских армий, ведя всю эту работу под маской общественных работ и борьбы с безработицей. Недаром этот „план“ борьбы латвийской буржуазии с безработицей получил в этом году полное одобрение и утверждение в „Бюро труда“ при Лиге наций.

Против такого „метода“ борьбы с безработицей не возражают и латвийские социал-фашисты. Они считают своей заслугой, что даже „по заключению экспертов и заинтересованных лиц тяжелые дорожные и мостовые работы выполняются безработными лучше и дешевле, чем это могло бы быть при сдаче работ частным подрядчикам“. О том, что уже имел место ряд случаев смерти от истощения и переутомления безработных на этих работах социал-фашисты предпочитают умолчать.

К методам подготовки театра военных действий против СССР относится и колонизаторская политика латвийской буржуазии. Составной частью, проведенной по принципам столыпинщины, земельной реформы в Латгалии было переселение сюда буржуазных элементов коренной национальности, отвод земли латгальской бедноте внутри страны (в Курляндии), насаждение латышского чиновничества, насильственная латышизация в крае. Крайне характерно также, что буржуазная печать недавно развернула целую кампанию по ускорению постройки крупной радиостанции

в Латгалии, чтобы помешать слушанию латгальцами и русскими советской радиопередачи.

Почти из года в год английский и французский флоты приходят в Балтику, демонстрируя свою помощь лимитрофам и проверяя ход подготовки к войне. Флоты эти почти всегда при одном и том же составе судов и под командованием одних и тех же адмиралов обходят порты Прибалтики, „попутно“ занимаясь изучением театра военных действий и проведением боевых учений. Очередное такое посещение английскими кораблями Прибалтики намечено и в 1932 г.

Впереди технической подготовки к войне идет подготовка общественного мнения, идеологическая обработка масс.

Фашистская и социал-фашистская печать не пропускает дня, чтобы не писать о „красной опасности“ и различных „ужасах коммунизма“. Недаром Рига (столица Латвии) считается основным в Европе поставщиком антисоветской клеветы, так называемых „рижских уток“ на кухню подготовки интервенции.

Методика этого „дела“ довольно проста. Печатаются различные корреспонденции „из Польши“, „из Румынии“ и помещаются так называемые „письма из России“ и „очерки очевидцев“. А то делается и так: перепечатываются столбцы из наших газет, где нами самими критикуются наши недостатки, а наверху ставят заголовок „Крах пятилетки“, „Большевики признают провал колхозной политики,“ „Индустриализация проваливается“. Фабрикация фальшивок, фабрикация лжи и клеветы о Советском Союзе — такова по существу „методика“ обработки общественного мнения Латвии против СССР.

Вооруженные силы латвийского фашизма

Фашистское лицо армии

Армия буржуазного государства является наиболее важной частью всего аппарата подавления, наиболее острым оружием в руках буржуазии против рабочего класса и трудящегося крестьянства. Буржуазия всегда с крайней заботливостью относилась к армии как к орудию своего господства. Особенно она это делает сейчас в обстановке ожесточенной классовой борьбы и подготовки интервенции.

Тщательно отбирая командные кадры армии, сочетая в армии террор и политобработку, буржуазия пытается сохранить армию в своих руках, использовать находящиеся в ней рабочие и крестьянские массы в своих контрреволюционных и реакционных целях. Армия фашизируется.

Командный состав армии сколачивается с таким расчетом, чтобы он отличался полным классовым единством и однородностью. Латвийское офицерство — это поголовно представители верхних слоев городской буржуазии и кулачества. Чувствуя близость интервенции, буржуазия проводит чистку армии.

Все мало-мальски „подозрительные“ элементы из армии немедленно увольняются. На место их принимаются из запаса отъявленные черносотенцы и фашисты. Так недавно 5-й Венденский полк зачислил на сверхсрочную службу фашиста Спунде, известного организацией налетов на редакции рабочих газет.

Руководящую роль в комсоставе играют бывшие царские офицеры-латыши. Ими заполнены все должности, начиная от командиров рот, батальонов и выше. Царские генералы и полковники, имеющие подчас по несколько „георгиев“, муштруют латвийских солдат, рассматривая их по-старому, как „серую скотинку“.

Фашизм в Латвии рос и развивался при ближайшем участии офицеров и генерального штаба. Первый фашист-

ский клуб в Латвии был организован при участии офицеров, и генерал Радзин был его „вождем“. Офицеры-фашисты 1 мая 1926 г. организовали массовое избиение рабочих. Офицеры в 1926 г. также участвовали на собрании Вольмарского клуба торговцев, где обсуждался вопрос о фашистском перевороте, и несколькими днями позже офицер Олин пытался произвести переворот. Наконец большинство своих голосов „бергисты“ добывают именно среди офицерства.

Латвийское офицерство активно поддерживает антисоветскую польскую ориентацию и является помощником Польши в подготовке интервенции.

Враждебность латвийского офицерства к СССР объясняется тем, что большинство его уже боролось с оружием в руках против советской власти. Недаром почти все они обильно увешаны „орлами“ и „крестами“ Франции, Англии, Польши, Финляндии.

Покойный генерал Радзин служил у Петлюры. Генерал Гоппер участвовал в Ярославском восстании. Генерал Бангерский участвовал в Чехо-Словацком восстании. Расстрелянный в Москве Бредис — участник заговора Локкарта. Генерал Айре служил начальником строевого управления в штабе Деникина. Вот краткий список „заслуг“ латвийского офицерства, которые помнит мировая буржуазия и о которых в свою очередь должен помнить рабочий класс Латвии и СССР.

Жестокий классовый отбор делается и в отношении младшего комсостава. Придавая большую роль инструкторам в боевой подготовке и в политобработке солдат, буржуазия комплектует младший комсостав из среды кулачества и элементов городской буржуазии.

Преимущество во всех случаях отдается членам „айзсаргов“ и других фашистских организаций. В инструкторской школе в Риге вече рами сплошь распеваются фашистские песни. Рабочиев инструкторские школы не принимают.

Наконец, культивируя в армии крайний национализм и шовинизм, буржуазия допускает в офицеры лишь чисто „националистический“ элемент. Офицерский корпус на 95% состоит из латышей и лишь остальные 5% русские и немцы.

Классовое угнетение в армии находит самое резкое выражение. Командует класс господствующий — фабрикант, заводчик, кулак, подчиняется вся масса призванных в армию рабочих и крестьян. В латвийской армии до 70% состава

солдат составляют рабочие, батрачество и беднота. Это величайшее противоречие буржуазной армии не может быть буржуазией иначе разрешено, как мерами самого грубого террора — нравственной и физической муштры.

При комплектовании армии буржуазия стремится сохранить в своих руках наиболее важные части. Артиллерия, флот, авиация, танковый полк комплектуются из самых отборных фашистских элементов. Автотанковый полк славится как цитадель фашизма в армии. Рабочие и сельская беднота отправляются в пехоту как „пущечное мясо“.

Чтобы избежать концентрации солдат-рабочих в промышленных центрах, их рассылают по провинциальным гарнизонам. Каждый рабочий, левый профсоюзник, вообще „подозрительный“, получает политическую характеристику с места призыва.

Солдат лишен каких бы то ни было прав. По конституции солдат имеет „право“ участвовать в выборах сейма, но... „участие“ это происходит отдельно от гражданского населения. Это — величайшая провокация. Начальство получает возможность подсчитать, сколько солдат голосовало за левые списки, и дело лишь в том, чтобы охранка их выловила.

По приказу военного министра солдаты не имеют права: 1) „состоять членами политических обществ“; 2) „присутствовать на собраниях, где обсуждаются политические вопросы“; 3) „участвовать на собраниях и манифестациях под открытым небом“; 4) „принимать какое-либо участие в агитации против правительства“; 5) „публично выражать свое мнение по политическим вопросам“. Даже будучи в отпуску, солдат не может присутствовать на собрании своей волости, села.

Все эти „права“ рассчитаны на изоляцию солдата от своего класса и своих классовых интересов. Буржуазия охотно отняла бы у солдата право думать, если бы это было возможно.

В латвийской армии существует самый оголтелый **шпионаж за солдатами.**

Занимается этой „работой“ не только охранка, но и весь комсостав армии. Генерал Буйвид так поучает офицеров: „Начальник обязан следить за своим подразделением — днем и ночью... Даже в разговорах между собой глаза и уши начальников должны быть обращены в сторону подчиненных, следить за их движениями, разговорами, интимными связями“. Существуют специальные инструкции для офицеров по шпионажу. Вот одна из них.

„Строгое наблюдение с первого часа:

а) что говорят о помещении, национальных надписях и картинах; б) как ведут себя при получении вещей и первой пищи; в) как ведут при установлении порядка; г) как оценивают впечатление первого дня“.

„Наблюдение на учении:

а) как понимают обязанности по отношению к государству; б) как воспринимают разъяснения, не задают ли каверзных вопросов; в) показывают ли примерность лишь на глазах или всегда; г) чем особенно интересуются“.

„Наблюдение в казарме:

а) как сходятся различные национально-и вероисповедания; б) нет ли обособления между богатыми и бедными; в) не критикуется ли начальство; г) не жалуются ли на тяжесть службы“.

„Особо подозрительные:

как часто идет в город и как долго остается, куда идет и с кем встречается, настроение после увольнения, приносит ли книги, газеты, журналы и какие“.

Широко применяются запираение солдат в казарме в дни революционных праздников, регулярные обыски „до нитки“ под маской „санитарных осмотров“, контроль над посетителями (запись в книгу, разговор в присутствии офицера).

За малейший пустяк по доносу инструктора грозит охранка. Недавно один солдат получил 4 года тюрьмы только за то, что он — „не верил в бога, неподобающе отзывался о начальстве и... вообще казался подозрительным“. Свидетелями выступили 2 инструктора.

Обучение солдат ведется по всем правилам царской муштры. Недаром в латвийской армии сохранен царский дисциплинарный устав и свод военных законов 1869 г.

Генералы муштруют солдат с рассвета до поздней ночи. После побудки в 5 часов солдат сразу участвует в различных работах, так что не успевает выпить чая. Потом следует осмотр, и — град наказаний. Офицерство придирается ко всему. С 8 часов начинаются занятия, продолжаясь с перерывом на обед до 6 часов вечера. После 6 часов — ужин и опять хозяйственные работы, чистка оружия, уроки пения...

Дадим слово самим латвийским солдатам. Вот что они пишут в своих письмах к товарищам:

Тяжелый артполк: „За 2 недели из двух батарей на ногах осталось только 3 человека. У остальных уже были не ноги, а окровавленные куски мяса. Начальство не обратило никакого внимания... Теперь начали мазать иодом, но и это потому, что двое солдат нашей батареи умерли от заражения крови и у одного отняли ногу“.

Рижский полк: „До занятия нам объявили: „если ктонибудь вздумает не подчиняться и не будет соблюдать мельчайших указаний — будет предан военному суду“. И ты поймешь, что лучше умереть в болотной тине, чем сидеть 6—7 лет в „образцовой“ „Цитадели“ (военная тюрьма. — *И. Р.*)“.

„Командир роты остался недоволен тем, что у нас все, даже глаза, было залеплено грязью. За это нас почтили „свиньями“ и пообещали „вычистить“. „Чистка“ началась с команды „шагом, марш“. Ты поймешь, что мы уже не были в состоянии маршировать. Ротный совсем рассердился и закричал: „Я вам, коммунистам, покажу, бегом!..“. Многие упали и не могли больше бежать. Вчерашними результатами начальство довольно, ибо упавший от переутомления солдат Р. не мог уже встать, и у него изо рта пошла кровь. Когда прислали санитаров, Р. успел уже остыть. Врач констатировал: „Умер от разрыва сердца“. Мы же думаем, что причиной смерти был удар ногой офицера“.

Другой солдат пишет:

„Бьют нас за все: за „неаккуратное выполнение службы“ и за „преступления“, не имеющие к ней никакого отношения. Если солдат не вычистил до блеска сапоги капрала или не выполнил других его прихотей, — избиение неизбежно.“

За малейший протест грозит суд, как коммунисту и бунтовщику. Жаловаться нельзя... Жалобщику в части уже не житье... Начальство привязывается где только можно, пока выведенный из терпения солдат не отказывается от выполнения несправедливых требований. Начальство только этого и ждет — солдат отдается под суд „за неисполнение приказа“, и его осуждают на многие годы каторги.

За „некрасивый шаг“ приказывают лечь в грязь и командуют „вставай“, „ложись“ — пока солдат окончательно не устанет. За грязный после этого вид наказывают вторично постановкой под винтовку. Некоторые стоят неделями... многие не выдерживают. Особенно летом стоят до тех пор, пока теряют сознание и падают. Упавшего обливают водой и ставят опять под винтовку“.

Особенно достается латгальцам, русским и евреям. В латвийской армии насчитывается до 40% латгальцев, русских, евреев. Развивая в армии национализм и шовинизм, буржуазия усиливает национальное угнетение в армии. В нацменьшинствах офицерство видит худших солдат. Над ними издеваются, ставят на худшие посты, назначают на наиболее тяжелые работы, не пускают на праздники домой, задерживают на службе.

Все это входит в программу „националистического“ воспитания в латвийской армии.

В латвийской казарме широко процветает надругательство офицеров над солдатами, постановка под винтовку,

мордобой. Не выдерживая этой муштры, которую сами офицеры-фашисты называют „вколачиванием национального сознания и любви к родине“, — солдаты дезертируют, кончают жизнь самоубийством. Дезертируют по одному, по два, домой и за границу. Самоубийств в латвийской армии в 2 раза больше, чем в западных армиях. О них запрещено писать в газетах. Один дезертир на вопрос суда, почему он дезертировал, прямо ответил: „не мог выдержать муштры, избиений и оскорблений“. В армии растет смертность и заболеваемость. В 1931 г. по сравнению с 1927 г. смертность в армии увеличилась с 4,3 на тысячу до 6,3 на тысячу — на 50%, количество больных в госпиталях с 778 до 902.

Таково положение солдат в латвийской армии — армии латвийского фашизма и одной из будущих армий интервенции.

Политическая обработка солдат

Но буржуазия понимает, что голого насилия недостаточно, чтобы держать в повиновении солдатские массы. Она поэтому сочетает в армии угнетение физическое с угнетением моральным, муштру с политобработкой. Между муштрой и политобработкой нет принципиального различия.

Что представляет из себя буржуазная политобработка, откровенно говорит американец Ласвел: „Пропаганда, — говорит он, — это уступка способности современного мира рассуждать. Гораздо более может быть достигнуто обольщением и обманом, чем принуждением“. „Публику нельзя убедить логикой, но можно убедить сказками“.

Основным в политобработке, по признанию самой буржуазии, таким образом являются **ложь, обольщение, обман, сказки.**

Буржуазия не имеет других средств к овладению сознанием масс, как средства классовой лжи. Интересы ее прямо противоположны интересам рабочих, и она не может говорить рабочим об этих своих интересах. Буржуазия поэтому стремится политобработкой привить массам свою буржуазную идеологию, держать их в плену мелкобуржуазных предрассудков и невежества и тем осуществить свое идеологическое господство.

Лишь в Красной армии, где нет противоречия интересов, где вся армия классово едина и служит интересам пролетарского государства, не нужна ложь и нет места политобработке. Политработа, а не политобработка, в Красной армии есть работа по повышению классового сознания

красноармейцев и начсостава, работа, всецело направленная на осознание ими своих классовых целей.

Красная армия, армия рабочих и крестьян СССР— армия мировой пролетарской революции. В Красной армии ведется большая работа по социалистическому воспитанию и военному обучению, по подготовке самоотверженных и до конца преданных идее коммунизма бойцов. Каждый год Красная армия дает новые массы активных социалистических работников для всей страны. Руководство этой работой в Красной армии принадлежит комсоставу, политическим органам и партийным ячейкам, тем же рабочим и крестьянам. В Красной армии поэтому нет противоречий, нет классовой борьбы. Красная армия сплочена единством классовых интересов, представляя подлинную опору диктатуры пролетариата. В этом классовом единстве Красной армии заключается величайшее преимущество Красной армии над армиями капиталистических стран.

Латвийская буржуазия стводит большую роль политобработке солдат в армии. В уставах подчеркивается, что „военное воспитание“, т. е. политобработка, важнее военного обучения, важнее ознакомления солдат с техникой войны. И понятно, армия, не закабаленная буржуазными предрассудками, легко может стать армией революции, использовать полученные военные знания против самой буржуазии.

Политобработка в латвийской армии ведется на военных занятиях, через специальные лекции и беседы, ею заполняются все воскресные и праздничные дни и вечернее время солдат. Буржуазия боится свободного времени солдата.

На специальную работу по политобработке уходит до 30% всего времени солдат в армии.

В содержании политобработки в латвийской армии, как и в других буржуазных армиях, основным является анти-советская и антикоммунистическая пропаганда.

Клевета на Советский Союз, замалчивание наших достижений и социалистического роста, запугивание „ужасами“ коммунизма и „красного империализма“, ежеминутное извращение фактов действительности представляют существенные черты политобработки.

В качестве „материала“ антисоветской пропаганды офицерство охотно берет обычную, общедоступную, из буржуазных газет ложь о Советском Союзе. Здесь имеются и „ужасы чека“ и „голод в России“, „демпинг“, „принудительный труд“, „уничтожение крестьянства“. Одним словом, все уже известные трудящимся Советской страны вещи из

арсенала буржуазной обработки общественного мнения в пользу антисоветской войны.

Вот образчик этого „материала“:

„Большевики убили 100 крестьян, пожелавших услышать звон пасхальных колоколов“.

„По сообщению румынских газет в последние недели на Днестре опять происходили новые безжалостные расстрелы перебежчиков. В Тигинском районе в дни православной пасхи крестьяне Советской России, услышав звон коколов со стороны румынской территории, собрались на берегу, чтобы хотя издали увидеть пасхальную службу. Но с румынского берега вскоре пришлось увидеть, как в толпу собравшихся крестьян врзается отряд кавалерии. Когда это не помогло, красноармейцы открыли по крестьянам пулеметный огонь. Количество убитых и раненых достигает 100 человек“. („Латвис“, четверг, 12 мая 1932 г.)

Вот вам типичнейший образец „рижской утки“. Нужно ли говорить советскому читателю, что у нас таких вещей нет и не может быть.

А вот как о политобработке пишет солдат Двинского гарнизона в своем письме:

„Остальные часы занятий по уставам, — пишет, он — используются для ознакомления с родами войск. Однако ни один час не проходит без того, чтобы офицер не напомнил о самом большом враге государства — СССР и латвийской компартии. Ни один час не проходит без того, чтобы не жевались различные зверства, в роде того, что коммунисты вешают своих противников за ноги и т. д., без конца. Каждая такая лекция всегда заканчивается словами. „Весь русский народ закабален коммунистами и морится голодом“.

Цель этих бесед совершенно ясна, — это желание привить солдату ненависть, враждебность, или по крайней мере посеять недоверие к СССР, к пролетарскому государству.

Тот же Ласвел поучал буржуазию: „Одной из важнейших целей пропаганды является „возбуждение ненависти к противнику“. „Изображайте противника алчным, жестоким, зачинщиком войны“.

Главным своим противником буржуазия считает СССР. И если и раньше (вспомним мировую войну) она действовала по советам Ласвела, то теперь, когда речь идет о СССР, о решающей схватке двух миров, она это делает в сотни раз больших масштабах.

В отношении коммунизма рассказываются сказки о том, что коммунизм „отрицает все личное“, что это „теория бездельников“, желающих жить „за чужой счет“, и наконец, что коммунизм в Латвии даже невозможен, так как якобы „латвийский крестьянин по природе индивидуалист, ибо всегда жил на хуторе“. О коммунистах и членах левых

профсоюзов говорится, что это „военные агенты и шпионы СССР“.

Коньком антисоветской пропаганды является „красный империализм Москвы“.

Спекулируя на прежнем гнете немецких баронов и царского самодержавия в Латвии, фашистское офицерство изображает СССР как захватчика, стремящегося якобы к „восстановлению своего прежнего владычества над Балтийским морем“.

Орудием борьбы с проникновением коммунистического влияния в армию буржуазия выдвигает националистический патриотизм. Требование буржуазии: „Солдат должен быть национально воспитан, любить свою родину“. Однако посмотрим, что подсовывает буржуазия под понятие „родина“.

„Родина, — говорит генерал Буйвид, — это те образцы природы, которые улыбались нам навстречу при нашем рождении... Это те пригорки, леса, поля, ручейки, которые были первыми свидетелями разлива наших радостных чувств, она — наш закон, наше имущество, те могилы, где лежат наши предки, памятники старины, братские могилы, „пулеметная горка“, „остров смерти“...

Итак, солдату отдается „все“, все леса, пригорки, бугорки, старые могилки и даже „остров смерти“ в придачу, где, кстати сказать, во имя интересов той же латвийской буржуазии во время мировой войны положили свои головы тысячи и тысячи латвийских рабочих и батраков. Все это должно создать впечатление, что солдат что-то имеет, что это „что-то“ он должен защищать своей кровью.

Но мы уже видели, что 72 тыс. латвийских рабочих и 300 тыс. латвийских батраков не имеют ничего больше, кроме пары рук, которым совершенно нечего делать в „демократической Латвии“. Мы видели, что даже те голодные клочки земли, которые находились у масс латвийского крестьянства, все больше переходят в руки кулака и что нищенские их хозяйства продаются с молотка оптом и за бесценок. Мы видели, что „имущество“, „поля“ и „право“ имеет лишь латвийская буржуазия, а широкие трудящиеся массы просто умирают с голоду в самом прямом и жестоком значении этого слова.

Рабочий класс СССР знает, что буржуазная родина — это величайшая ложь, что действительной родиной пролетариата является лишь СССР, свободная социалистическая страна Советов. К этому сознанию, особенно теперь, в условиях кризиса капитализма и гигантских успехов и побед социализма, все больше и больше приходят пролетарии

всего мира. Латвийский пролетариат, находясь в тесном соседстве с СССР, многими нитями тесно связанный с латышской революционной эмиграцией в Советском Союзе, почти воочию убеждается в преимуществах советской системы — действительной освободительницы от нищеты, эксплуатации и разорения.

Наряду с пропагандой национализма идет пропаганда так называемого „государственного самосознания“. Здесь буржуазия крайне строга: „Кто не имеет государственного самосознания, — пишет она об этом, — тому нет места в армии, он должен считаться бесполезным в государстве и ненадежным в бою“.

И понятно, именно по вопросу о буржуазном государстве лежит водораздел между фашистами, социал-фашистами и коммунистами.

„Государство обеспечивает права личности“. „Личность (т. е. рабочий или крестьянин) должна ограничивать себя в пользу государства, выполнять обязанности по отношению к нему“. Так проповедают и фашисты и социал-фашисты. Идеологи буржуазии только „забывают“ добавить, что государство — это буржуазное, и что „ограничение“ рабочего в пользу такого государства может способствовать только усилению буржуазной диктатуры, усилению фашистского террора и окончательному закабалению трудящихся масс.

Дальше идет пропаганда „героев“ — различных генералов и полковников, „вождей армии“, „побед“ и т. д. Эта пропаганда должна „воодушевить“ на войну, создавать „героев“. Не забывают и покойников. В дни рождества на братских могилах под Ригой зажигают „священные огни“, выставляют караулы в белых балахонах, поют псалмы, устраивают шествия. В Латвии появилась даже своя могила „неизвестного солдата“!

Наконец — религиозная пропаганда. Перед религией ставится четкая задача — заставить солдата умирать. „Мораль в религиозной форме, — пишется о религии, — всегда имела большое влияние на психику бойца. Она всегда давала убежище от страха и нередко поднимала на войну“. Это вполне ясно. Генералы прямо восхищаются библейскими текстами: „Кесарю кесарево, богу богово“ „нет ничего высшего, как отдать свою жизнь за своих ближних“, „кто выдержит до конца, будет спасен“. „Ближним“ здесь опять является буржуазия.

Политобработку ведут офицеры. Офицеры проводят занятия в казарме, читают лекции, руководят кружками

клуба и т. д. Священников в штатах полков нет, их приглашают „по мере надобности“.

Офицеры специально обучаются политобработке. От офицера требуется уметь подойти к массе, найти „путь к сердцу солдата“, т. е. приобрести над ним влияние.

Для этого рекомендуется „не особенно подчеркивать свою классовую принадлежность. Тот же генерал Буйвид говорит: „Всякие притязания офицера на какое-то высшее социальное положение в теперешнюю демократическую (!) эпоху не могут быть ничем оправданы“... и дальше: „Будет ли это на пользу тем людям, которые приходят в наше подчинение, если наш рассудок привык (!!) разделять всех людей... на богатых и бедных?“ „Командир в своих взаимоотношениях с подчиненными особенно должен остерегаться выступать аристократически“. И в отношении религии: „Но скажите, разве верный богу не был всегда лучшим исполнителем обязанностей... каждому командиру нужно было бы принадлежать к какой либо конфессии, хотя бы ради (?) тех, которыми он командует“.

Лучше Буйвида не скажешь. „Путь к сердцу солдата“ лежит через маскировку классовых противоречий, через подмазывание к солдату. Социальная демагогия должна идти так далеко, насколько это возможно. Ничего в офицере не должно говорить о принадлежности к другому социальному слою. Буйвид отнюдь не против аристократии, эксплуатации. Защищая их, он лишь требует, чтобы это дело маскировалось. Классовые противоречия должны тщательно прикрываться туманом аполитичности, надклассовости армии и одинаковости положения офицера и солдата. Это в латвийской армии называется „агитировать делом“.

На этой „политобработке делом“ видна вся лживость, вся фальшь политобработки.

Как бы однако ни строила буржуазия политобработку, успех ее ограничен классовым составом и степенью сознательности солдатских масс. Особенно в обстановке кризиса и все более проникающих через границу сведений о бурном социалистическом росте СССР **влияние буржуазии в массах падает.**

Об этом свидетельствуют те самые „каверзные“ вопросы на занятиях, которых так боится офицерство, письма латвийских солдат и наконец общий рост революционной борьбы в армии.

Об этом свидетельствует и сама буржуазия: „При обучении новобранцев, — пишет один инструктор, — мне при-

ходило наблюдать, и сам помню из своего новобранчества, что имеется много таких солдат, которые думают совсем о другом и не слушают, что говорит командир, даже не стараются это понять“.

Наконец **об этом** говорят последние мероприятия буржуазии, рассчитанные на усиление политобработки. Специальным указанием военного министра к политобработке привлекаются профессора учебных заведений. Им вменено в обязанность разъезжать по гарнизонам, читать лекции о „латвийской старине“, „национальных песнях“, о „древних латышах как воинах“ и тем самым усиливать духовную кабалу армии.

Отсюда однако не следует, что пропаганда буржуазии в армии вовсе не имеет успеха. Основная масса солдат все еще находится в плену буржуазной идеологии. И все же углубление кризиса находит свое отражение в революционизировании армии, и почва под ногами латвийской буржуазии все больше и больше колеблется в самом важном звене буржуазного государственного аппарата.

Гвардия фашизма — „айзсарги“

Все меньше доверия армии, набираемой из рабочих и крестьян в порядке всеобщей воинской повинности, буржуазия наряду с ней создает свои открыто классовые военно-фашистские организации, свою **фашистскую милицию**.

В Латвии имеется целая сеть различных военно-фашистских организаций, охватывающих город и село. Это: „Национальный союз уволенных воинов“, „Национальное общество бывших латышских стрелков“, общества: „Латвияс Саргс“, „Тевияс Саргс“ и др. Состав этих организаций достигает 20 тыс. человек.

Основной военно-фашистской организацией латвийской буржуазии однако является добровольная организация фашистских охранников — „айзсаргов“.

„Айзсарги“ по своему составу и назначению являются откровенной организацией латвийской буржуазии, черной гвардией латвийского кулачества.

Численность их достигает 35 тыс. человек.

Айзсарги по официальным данным распределяются на крестьян — 80%, рабочих и батраков — 18%, прочих — 2%. Конечно „крестьяне“ — это в абсолютном большинстве кула-

чество и зажиточное крестьянство. Пролетарских элементов в „айзсаргах“ имеется очень небольшой процент. Под 18⁰/₀ рабочих и батраков здесь в массе идут сыновья тех же кулаков.

„Айзсарги“ состоят на государственном бюджете и подчинены через штаб „айзсаргов“ министру внутренних дел. Организационное построение „айзсаргов“ основано на территориальном принципе — уезд, волость, село. Всего имеется 19 полков по числу уездов. Волости и селения дают батальоны или роты. При полках имеются свои кавалерийские подразделения, отряды связи, самокатчиков и т. д.

Командирами полков являются начальники уездов. Остальной состав назначается из офицеров и унтер-офицеров запаса.

Вооружены „айзсарги“ почти наравне с армией. „Айзсарги“ кроме винтовок имеют ручные и станковые пулеметы. Во время маневров „айзсаргов“ им придаются артиллерия и танки. Митавский полк „айзсаргов“ имеет собственную танкетку.

Обучение „айзсаргов“ ведется по программам, согласованным с программами обучения армии и в тесном контакте с обучением последней.

В целях подготовки „айзсарги“ разбиваются на 3 категории: I — уволенные из армии и подлежащие призыву, II — не призывавшиеся в армию и III — тылополченцы. Основное внимание уделяется строевому обучению, стрелковой подготовке и полевым занятиям. Общее число часов строевой и стрелковой подготовки в год — 120, полевых занятий — 16 дней.

Подготовка и переподготовка командного состава ведется при полках армии устройством военных игр и специальных курсов. Инструкторские курсы в среднем в год оканчивает 500 — 600 „айзсаргов“.

Офицеры армии участвуют в подготовке „айзсаргов“ и в их частях. Еженедельно по субботам из каждого полка выделяется по 3 — 5 человек офицеров и столько же инструкторов для работы с „айзсаргами“. По плану прошлого года в лагери „айзсаргов“ должно было быть командировано 124 офицера и 82 инструктора.

„Айзсарги“ таким образом представляют вполне законченную военную организацию, по численности даже превосходящую армию. На маневрах армии „айзсарги“ получают самостоятельную задачу.

Фашистские организации „айзсаргов“ в лимитрофах — Финляндии, Эстонии, Латвии — строятся по одному образцу

и принципам, и между ними существуют самые тесные связи. „Айзсаргами“ интересуется и Польша. Совсем недавно латвийские „айзсарги“ проверялись и инструктировались специально прибывшим из Польши начальником польских „айзсаргов“ („Стрельцы“).

Главные цели, которые ставятся перед этой военно-фашистской организацией:

1. Борьба с революционным рабочим движением (шпионаж, ликвидация восстаний, разгон собраний и т. д.).

2. Борьба с забастовочным движением на транспорте (специальные части железнодорожных „айзсаргов“ на всех главных станциях).

3. Поддержка армии во время войны.

В последнем случае задачи „айзсаргов“ весьма разнообразны: тут и обеспечение мобилизации и тыла, и выделение классовых кадров в армию, и участие в боевых действиях на фронте, и организация партизанских действий в тылу Красной армии.

Главное, что проходит красной нитью через все „задачи“ „айзсаргов“, — это борьба с революционным движением в стране в мирное и военное время. В этой борьбе — смысл существования „айзсаргов“. Основной девиз на знаменах полков: „За мир, порядок и спокойствие“. В переводе на классовый язык это значит — **за классовый мир, за буржуазный порядок, против революции.**

„Айзсаргам“ уже сейчас принадлежит много „заслуг“ в борьбе с революционным движением: участие в арестах левых рабочих, разгон рабочих демонстраций и собраний, терроризирование сельской бедноты и семей бывших красноармейцев и революционных эмигрантов.

На дело „охраны внутреннего порядка“ „айзсаргами“ было потрачено в 1928 г. 15 075 человеко-дней. В 1928 г. было 12 329 случаев участия „айзсаргов“ в преследованиях, арестах и обысках, выставления контрольных постов и наблюдения за „порядком“. Ясно, что значительная часть этих „случаев“ и „человеко-дней“ падает на борьбу с революционным движением.

„Айзсарги“ — массовая организация политического шпионажа, охватывающая всю страну, каждую деревенскую усадьбу.

Для подготовки „айзсаргов“ к борьбе с революционным движением среди них ведется специальная работа. Вот какие обстановки разыгрываются на тактических играх „айзсаргов“.

1. „Рабочие митавской промышленности, в связи с объявленной левыми профсоюзами забастовкой, прекратили работы на различных предприятиях. Агитация левых профсоюзников делает положение критическим. Положение в городе обостряется присоединением к забастовщикам большой армии безработных. Число забастовщиков растет. Можно ожидать демонстраций, не исключая и столкновений. В ночь с 19 на 20 апреля бродящие по городу банды забастовщиков выбили окна в полицейском участке и в городской думе“.

2. „15/X в 11 часов. Из имеющихся данных следует, что на углу Московской и Огрской улиц происходит распространение воззваний коммунистического союза молодежи. Воззвания призывают рабочую молодежь сплотиться в боевые ряды для защиты своих интересов, вступать в члены боевых организаций молодежи. Организационное собрание состоится в 18 часов в доме, по улице Индрупа. Руководить собранием будет известный коммунист — депутат сейма X“.

Сказано откровенно: если рабочая молодежь будет объединяться для „защиты своих интересов“, фашисты против этого будут бороться. Забастовщики и безработные — просто „банда“, их надо расстреливать (недаром делается намек на возможность „столкновений“).

Можно с уверенностью сказать, что у „айзсаргов“ имеются точные планы подавления революционного восстания в любом городе и уголке страны. Об этом говорят регулярные маневры „айзсаргов“, во время которых задерживаются прохожие на дорогах, производятся обыски, терроризируется все население. Выступления „айзсаргов“ часто носят характер бандитизма и уголовщины.

Помимо этого „айзсарги“ являются организаторами политобработки населения на селе.

Приказ министра внутренних дел так оценивает эту „работу“: „Не менее приятно видеть, что „айзсарги“ путем самопомощи вырабатывают у себя чисто националистическое миропонимание и действительную любовь к родине. стремятся эти высокие гражданские качества сделать всеобщими и таким образом укрепить основы нашей государственной независимости“.

Влияние „айзсаргов“ охватывает преимущественно зажиточные крестьянские слои. Широкие массы рабочих, батрачества и бедноты относятся к „айзсаргам“ и их агитации явно отрицательно, враждебно, хотя известным влиянием „айзсарги“ пользуются и здесь. Это относится к той мало сознательной части сельских пролетариев и бедноты, которая пока еще находится в плену буржуазной идеологии.

В условиях обострения классовой борьбы и подготовки интервенции, латвийская буржуазия развивает исключительную активность и по овладению массами молодежи.

Роль молодежи все более усиливается в процессе капиталистического производства. Молодежь—будущее „пушечное мясо“. Естественно, что борьба за школу, за молодежь становится одним из участков ожесточенной классовой борьбы, одним из участков наступления фашизма.

Работа буржуазии в школе, процесс фашизации школы, охватывает как военно-техническое обучение молодежи, так и ее политобработку в духе буржуазной государственности и национализма.

Сокращая сроки действительной военной службы (12 месяцев), увеличивая тем самым „пропускную способность“ армии, буржуазия организует целую систему допризывной военной подготовки молодежи. Создавая сеть фашистских организаций молодежи, буржуазия в тесном союзе с церковью пытается перетянуть трудящуюся молодежь на свою сторону.

Фашистских организаций молодежи, открытых и маскирующихся в Латвии имеется довольно много: „Союз молодежи латвийского Красного креста“, „Латвийский национальный союз молодежи“, „Христианский союз юношей и девушек“, „Латвийский юношеский союз“, „Латгальское юношеское общество“, „Католический союз молодежи“ и т. д. и т. д. Общая численность этих организаций достигает 90 тыс. человек.

В школе введен специальный курс военной подготовки, включающий все основные военные сведения, начиная от организации армии и кончая обучением строю, стрельбе, топографии и т. д. На военное обучение тратится по 1 часу в неделю. Кроме того, 4—5 дней в году учащиеся целиком подвергаются военному обучению в лагерях.

Помимо военного обучения требуется еще политобработка детей. Специальная инструкция кабинета министров ставит перед политобработкой в школе такие задачи: 1) „развитие глубокой любви к отечеству... непреклонной воли жертвовать собой“, 2) „выработку сознания долга“, 3) „приучение юношества к строгому порядку“, 4) „развитие национальной гордости и уважения к героям и армии“.

И здесь — патриотизм, „долг“, строгая дисциплина. Еще с малых лет юношество должно быть приучено подчиняться воле буржуазии, жертвовать собой ради ее интересов. На школу переносится вся система муштры, существующая в армии.

Для достижения целей политобработки рекомендуются школьные экскурсии на братские могилы, участие в военных парадах и в чествованиях „героев“, пение всегда на-

ционалистических песен и т. д. Всем этим националистическим мусором должны быть забыты головы детей, чтобы лучше „верою и правдою“ они служили буржуазии.

В школе закрываются двери для детей бедных родителей. Плата за обучение растет. Сокращаются пособия для детей бедноты. С 294 тыс. лат в 1928 г. эти пособия сокращены до 187 тыс. лат в 1930 г. По одному Вольмарскому уезду число обучающихся сократилось с 10 тыс. до 4,5 тыс. человек. Одна кулацкая газета пишет: „бедность — не привилегия; если нет средств, не надо думать о школе“.

Школа фашизируется. Все живое и прогрессивное из школы изгоняется. Повсюду утверждается власть духовенства. И что самое интересное — в то время как от офицера требуется обязательное знание русского языка, в низшей школе, где учатся рабочие и беднота, русский язык запрещен. В войне с Советами буржуазия считает опасным, если солдат будет владеть „языком большевиков“.

Таким образом все в Латвии служит целям антисоветской войны. Все население от мала до велика, вся страна должна быть превращена в сплошной военный лагерь интервенции.

Латвийский социал-фашизм — организатор интервенции

Латвийские социал-фашисты

„Раскальвая и разлагая единый фронт пролетарской борьбы с капиталом, социал-демократия является главной опорой империализма в рабочем классе“.

Эти слова из программы Коминтерна полностью относятся к латвийской социал-демократии, к латвийскому социал-фашизму.

Латвийская „левая“ социал-демократия является типичнейшей партией буржуазной государственности, верным агентом буржуазии в рабочем классе.

Применяя тактику „левой“ фразы, выступая на словах с „почти“ коммунистическими лозунгами, латвийские „левые“ социал-демократы поминутно предают интересы пролетариата.

Они идут впереди буржуазной политики и практики ограбления масс, впереди подготовки фашистской диктатуры и организации интервенции.

Вождь революционного латвийского пролетариата, покойный т. Стучка считал латвийских „левых“ одной из наиболее опасных социал-фашистских партий во всем II Интернационале.

Во главе латвийского социал-фашизма стоят давно известные предатели пролетариата: П. Калнин — бессменный председатель буржуазного сейма, нагло оклеветавший героическую всеобщую забастовку 1905 г., Б. Калнин — лейтенант охранки и командир социал-фашистской военной гвардии, Целенс и Дукур — комиссары адмирала Колчака и др.

Вожди латвийских социал-фашистов, партийный аппарат и вся масса социал-фашистских чиновников крепко срослись с буржуазным государством и его интересами.

„Вожди“ имеют доходные дома в городах, дачи, сельские усадьбы, они занимают ответственные посты буржуаз-

ных министров, директоров банков и чиновников местных самоуправлений.

На вопрос, в упор поставленный фашистской газетой, — какова разница между буржуа и социал-демократом, если тот и другой имеют дом, деньги в банке и эксплуатируют батраков, — социал-фашисты ответили невнятным бормотанием, что „дело мол не в собственности“, другими словами — „вожди“ открыто расписались в том, что, будучи фабрикантом и эксплуататором (на деле), можно состоять в социал-демократической партии и „защищать“ интересы рабочих (на словах).

Когда под давлением снизу вопрос о буржуазном переждении „вождей“ всплыл на XV съезде социал-фашистов, „вожди“ и здесь нашли выход. Они приняли резолюцию, запрещающую должностным лицам партии приобретать собственность. Конечно резолюция осталась на бумаге.

Невозможно исчерпать весь список предательств латвийских социал-фашистов.

1. „Левые“ участвовали в организации контрреволюции в Латвии в 1919 г.

В ответственный момент наступления латвийской Красной армии на Ригу, когда решалась судьба белой Латвии, теперешний председатель партии Мендер ездил к германскому правительству за помощью. „Моей, целью — писал он об этом, — было выяснить, какую помощь мы, латвийские социалисты, можем ожидать... против наступающих коммунистов“. Сам Мендер таким образом благословил убийство 4500 революционных рабочих на улицах Риги после ее занятия германской железной дивизией.

2. „Левые“ участвовали в организации буржуазной власти в Латвии.

В буржуазном „народном совете“ в 1920 г. „левые“ выступали со специальной декларацией: „И мы, — писалось там, — латвийская социал-демократическая партия, считаем необходимым в данный момент содействовать основанию Латвии как самостоятельного государства“ — социал-фашисты благословили наспех сколоченный на трупах рабочих и крестьян буржуазный строй, и буржуазия осталась довольна.

3. „Левые“ участвовали в проведении кулацкой аграрной реформы и в ограблении латгальской бедноты.

Проведение реформы социал-фашисты считали своей величайшей заслугой и величали эту реформу „аграрной революцией“. Сейчас, когда кулацкий характер реформы полностью обнаружился, они об этой „революции“ предпочитают молчать.

В отношении латгальской бедноты в своей программе они цинично пишут: „социал-демократия учит понять латгальскую бедноту, что улучшение ее положения не может быть найдено в одном сельском хозяйстве, ибо невозможно всем дать достаточно земли“. Таким образом, в Латвии, где кулаки имеют по 100—150 га земли, где сохранились еще старые и народились новые помещики, для латгальской бедноты и вообще бедноты земли нет. Вместо земли социал-фашисты предлагают бедноте „работу вне села“ — эксплуатацию „за прокорм“ у кулаков.

4. „Левые“ спасли буржуазное латвийское государство, вступив в правительство в 1926 г.

„Осенью 1926 г., — писал „вождь“ Бушевиц, — финансовое положение страны начало вызывать вполне основательные опасения части буржуазии, которая обратилась за поддержкой к социал-демократии“.

Оценивая результаты этой своей работы по спасению капитализма, „Социал-демократ“ писал: „Было доказано, что от нее (от социал-демократии. — *И. Р.*) идет не развал и предательство (?!), но честная работа по защите государственных интересов“.

Интересы буржуазии действительно преданы не были.

Для защиты этих интересов социал-фашисты ввели, военные суды для мирного времени, смертную казнь через повешение, прогрессивную систему отбывания наказания для политических и наконец во всей полноте использовали полученную власть для борьбы с революционным рабочим движением. Социал-фашизм ничуть не отстал от фашизма.

Интересы рабочих были преданы от начала до конца. Для рабочих они писали: „Социальная политика является той областью, где наитеснее сталкиваются интересы рабочих и буржуазии. Но даже добрая воля социал-демократов не может дать здесь рабочим необходимого удовлетворения“. И это говорилось тогда, когда социал-фашисты имели в правительстве большинство.

С наступлением кризиса социал-фашисты с еще большим подбострастием бросились спасать капитализм. „Социал-демократия, — писал их орган, — не отказывается от практической работы (читай — от сотрудничества с буржуазией) по ослаблению кризиса“.

Социал-фашисты предложили и „свой“ план „выхода“ из кризиса, свой план ограбления масс: капиталистическая рационализация, хлебная и прочие монополии, „обеспечение“ экспорта и т. д., то есть все то, что составляет про-

грамму фашистского наступления на рабочий класс, проводимую сейчас правительством Скуенека.

От вступления в правительство Скуенека социал-фашисты однако отказались, — было бы слишком заметно, слишком компрометировало бы. Этот отказ выгоден как социал-фашистам, так и Скуенеку. Под видом дешевенькой оппозиции социал-фашисты получили новую возможность обманывать массы и готовить победу открытой фашистской диктатуры.

В обстановке острейшей классовой борьбы социал-фашисты усиливают свою активность с целью овладеть движением масс, всячески пытаются встать во главе стачек, отдельных массовых выступлений рабочего класса, выступлений безработных. Им надо ввести это движение в безопасное для буржуазии русло и предать.

В борьбе с компартией социал-фашисты выступают единым фронтом с буржуазией, тесно сотрудничая с полицией и охранкой. Когда социал-фашисты начинают терять свои позиции в рабочих организациях, они прямо обращаются в охранку за помощью, и революционные элементы этих организаций изымаются. Социал-фашистские молодцы срывают плакаты левых рабочих организаций, избивают их ораторов, передают охранке. Социал-охранник Рудевец, не стесняясь, говорит: „В борьбе с коммунистами мы никогда не откажемся от услуг политуправления“ (охранки.—И. Р.).

Но несмотря на то, что на стороне социал-фашистов стоит весь государственный аппарат буржуазии, несмотря на то, что компартия загнана в глубокое подполье, влияние социал-фашистов в рабочих массах падает. Наиболее сознательная часть пролетариата все больше отворачивается от социал-фашистов, включается в единый рабочий фронт борьбы под руководством компартии.

На выборах в сейм в 1925 г. социал-фашисты получили 296 тыс. голосов, а в 1931 г. лишь 180 тыс. Особенно резко падение влияния социал-фашистов на селе. В 1920 г. социал-фашисты получили 38% всех сельских голосов, в 1928 г. — 22%, а в 1931 г. — не более 15%.

Рабочие уходят из социал-фашистских организаций, и их место занимает мелкая буржуазия, служащие, государственные чиновники и т. д. В ведущем центральном районе рижской организации 68% составляет интеллигенция. (В 1913 г. в рижской организации было 97% рабочих и лишь 3% интеллигентов.)

Борьба с социал-фашизмом, борьба за большинство рабочего класса и овладение массами социал-демократических

рабочих представляет сейчас важнейшую задачу компартии в борьбе против фашизма и интервенции, за социалистическую революцию в Латвии.

Социал-фашисты — организаторы интервенции

Если верить социал-фашистам, можно подумать, что они являются чуть ли не единственными настоящими борцами против войны вообще и против войны с СССР в особенности. „Спец“ по внешним делам латвийских социал-фашистов Целенс так излагал этот вопрос:

1. „Задачей нашего государства является... придерживаться такого русла внешней политики, при котором наше государство не было бы включено в политические противоречия крупных держав“.

2. „Как только, например, мы присоединимся к польской политической ориентации и станем той пробкой, которая закрывает легкие России,— это вызовет противодействие России“.

И по поводу гарантийного договора с Советами:

3. „Никакого связывания с Россией, что могло бы нас ограничить... независимое направление нашей внешней политики в этом договоре о ненападении не заключается“.

Таким образом социал-фашисты требуют „полной независимости“ и „нейтралитета“ Латвии. Нейтралитет в противоречиях крупных держав, нейтралитет в „делах“ Польши, нейтралитет в отношениях с СССР. Посмотрим, как выглядит на деле этот „круглый“ нейтралитет.

Во-первых, социал-фашисты уже раз участвовали в организации интервенции против Советов. По поводу войны с Советами в 1918—1919 гг. их „вождь“ Аберберг писал: „Партия всеми средствами поддерживала эту войну“. И это была поддержка отнюдь не на словах. Социал-фашист ст. лейтенант Дрилл был начальником авиации армии. Целенс участвовал в организации Северной армии. Тот же Целенс, находясь в Сибири, формировал части для Колчака и заставлял пленных стрелков под угрозой смерти подписывать провокационные воззвания к красным латышским частям. Б. Калнин сформировал для армии в различное время 4 роты.

Во-вторых, социал-фашисты активно участвовали и участвуют в организации антисоветского прибалтийского блока под руководством Польши. В 1926 г. состоялась конференция социал-фашистов Прибалтийских стран. Гвоздем этой

конференции было следующее решение: „Политическое единство (военный договор. *И. Р.*), которое существует между Эстонией и Латвией, необходимо развивать дальше, вовлекая в него те Балтийские страны, которые в этом единстве заинтересованы, в первую очередь Литву и Финляндию“. Под „второй“ очередью подразумевается Польша, о которой социал-фашисты конечно не могут писать откровенно. Припертый к стене орган социал-фашистов должен был признать, что здесь действительно „оставлены открытыми двери для эстонских взглядов, которые, как известно, являются дружественными Польше“.

В-третьих, социал-фашисты непосредственно участвовали в организации вредительской работы русских меньшевиков в СССР. На процессе русских меньшевиков было точно установлено, что латвийские социал-фашисты несли обязанности „дипкурьеров“ у русских меньшевиков. В январе 1930 г. имела место встреча русского меньшевика Икова с латвийским социал-фашистом Дукуром, причем Дукур имел на руках записку Дана: „абсолютно предан“. Дукуром были переданы Икову, как говорит судебный отчет, „дополнительный адрес для связи, сумма денег для меньшевистского Красного креста и какое-то сообщение, зашифрованное особым шифром“. Недаром Абрамович и Дан так часто „гостили“ у социал-фашистов Латвии.

Пойманный с поличным Дукур писал: „В показаниях осужденного Икова имеется столько правды, что я действительно дважды с ним встречался лично и информировал об обстоятельствах жизни в Западной Европе и Латвии... По заданию Икова передал также адрес для переписки с единомышленниками в Западной Европе“.

Вся теория нейтралитета латвийских социал-фашистов таким образом разлетается в прах перед свидетельством живых фактов.

Латвийские социал-фашисты выступают во всей красе организаторов антисоветского блока, организаторов внутренней контрреволюции в СССР, прямых и непосредственных организаторов контрреволюционной войны против страны социализма.

Теория нейтралитета, как и серия различных „левых“ трюков вроде требований о создании „Соединенных штатов Восточной Европы без Польши, но... с участием СССР“ и „таможенной унии СССР — Латвия“ — являются не чем иным как способом обмана масс, дымовой завесой, под которой социал-фашистам сподручнее готовить новую антисоветскую авантюру.

„Липу“ нейтралитета наконец разоблачают и сами социал-фашисты. После своего свидания с Чемберленом в Женеве Целенс писал: „Латвия как маленькая страна... должна вести себя в высшей мере объективно и нейтрально. Однако это не означает, что Латвия стремится или должна стремиться стать формально нейтрализованной страной. Такой формальный нейтралитет совершенно невозможен, ибо он несоединим с принадлежностью к Лиге наций, которая при известных обстоятельствах может возложить и известные обязанности на своих членов“.

Об этих „известных обстоятельствах“ хорошо говорит другой „бождь“ социал-фашистов С. Калнин: „В конце концов, — говорит он, — не исключена возможность, что с изменением обстановки (?) СССР изменит и свою теперешнюю политику в отношении балтийских государств... СССР в этом случае может напасть на Латвию и Эстонию“.

Здесь уже все точки поставлена над „и“. „Нейтралитет“ Латвии ставится в прямую связь от политики Лиги наций, этого орудия французского империализма в подготовке интервенции. Когда социал-фашист Калнин говорит об изменении обстановки на Балтике, он имеет в виду не изменение политики СССР, а сигнал Лиги наций, сигнал Франции и Англии к началу похода против страны пролетарской диктатуры.

В идеологической подготовке антисоветской войны социал-фашисты идут впереди всего фронта клеветы и лжи на рабочий класс Советского Союза. Очернение великой социалистической стройки, ее успехов и колоссальных достижений социал-фашисты сделали своей профессией, всячески выслуживаясь перед буржуазией.

Исключительный по своему лицемерию и пошлости пример подготовки социал-фашистами общественного мнения на случай интервенции в СССР дает их отношение к японской авантюре в Манчжурии. Не имея возможности скрыть от рабочих масс назревания реальной угрозы войны против СССР и видя несомненный и быстрый рост симпатий этих масс к своему социалистическому отечеству, социал-фашисты Латвии делают еще один „левый“ трюк, договариваясь — слушайте! — до признания Японии как виновника возможной войны, до признания этой войны контрреволюционной и даже до признания... необходимости защиты СССР в этой войне. Но... за сим следуют оговорки:

Оговорка № 1. „Япония подготовилась к войне против России, и эта война в самое ближайшее время является даже неизбежной... Предотвратить это столкновение могла

бы только Москва — полной уступкой Японии... всей области до Байкала". („Социал-демократ“ 1932 г. № 55.)

Оговорка № 2. „Судя по ходу событий, можно заключить, что Советская Россия по возможности стремится избежать угрожающих шагов в отношении провокаций, идущих из Манчжурии. Все действительные друзья мира и в первую очередь рабочий класс могут требовать, чтобы мир охранялся в первую голову той страной, которая войны не желает, т. е. Советской Россией“. („Социал-демократ“ 1932 г., № 87.)

Этими „оговорками“ социал-фашисты хитро говорят: „Война — неизбежна. Но эту неизбежную войну можно избежать, если СССР пойдет на уступки, подарит Японии Советский Дальний Восток. На Советском Союзе лежит ответственность за мир. От него зависит отдать или не отдать Сибирь“.

Социал-фашисты любезно представляют СССР „право выбора“ — мир или война. Сами же они и в том и другом случае становятся на позиции поражения СССР, на позиции защиты японского империализма и мирового империализма вообще.

В самом деле:

— Что другое может означать, во-первых, требование от СССР мира ценой отторжения Сибири в пользу Японии, как не желание ослабить СССР, как не желание его поражения, как не защиту японского империализма и мирового империализма вообще?

— Что другое может означать, во-вторых, возложение на СССР ответственности за мир, как не скрытое признание СССР виновником возможной войны, как не защиту японского империализма и мирового империализма вообще?

Социал-фашисты прекрасно знают, что СССР не может предать рабочих и колхозников Сибири на разграбление и в кабалу японскому империализму, что Советский Союз не может пойти на подобное предательство интересов советского и всего мирового пролетариата, как не может СССР идти на отдачу Польше — Украины, Финляндии — Карелии и Севера и т. д. Социал-фашисты поэтому придумали трюк с Сибирью, чтобы объявить СССР виновником войны, чтобы в случае войны пойти к рабочим и лицемерно говорить: „СССР — вот виновник войны, СССР не принял всех мер, чтобы сговориться. СССР сам хочет войны, он заражен „красным империализмом“. Мы — скажут они еще — умываем руки, но... к СССР должны быть при-

менены санкции Лиги наций, война против СССР священна, мы благословляем вас, рабочих, на эту войну“.

Вот так, а не иначе, собираются социал-фашисты „защитить“ СССР в контрреволюционном походе империалистов.

Не успели еще иссохнуть чернила в статьях „о защите“ Советского Союза, как социал-фашисты наотрез отказались от участия в международном конгрессе по борьбе с опасностью войны, созванном по инициативе Анри Барбюса, Ромен Роллана и Максима Горького.

Целенс открыто выступает в защиту японского империализма, открыто пропагандирует поражение СССР. Он пишет: „Японское вторжение в Манчжурию задумано не только как железный шлагбаум на пути коммунистов в Китай, но и как железный кнут по пальцам III Интернационала во всей Азии, в Китае и Индии“. Социал-фашисты Латвии берут под свою защиту не только отечественную буржуазию, но и весь мировой империализм, его рабский строй голода и угнетения масс в Европе и Азии.

Именно таковы и директивы II Интернационала и личные указания его слабоумного вождя Каутского латвийским социал-фашистам. „Значение латвийской социал-демократии, — писал этот социал-прохвост, — не ограничивается только тем, что она сделала и еще сделает для своего государства. Географическое положение и исторические связи (вспомним „связь“ с русскими меньшевиками. *И. Р.*) придают ей исключительное значение и за пределами границ государства... Судьба России уже решена, и ее крушение — лишь вопрос времени... Этот хаос легче всего предотвратить, если в лимитрофах будут успешно работать сильные социал-демократические партии...“

Так диктовал социал-фашистский пророк Каутский латвийским социал-фашистам, когда „вопрос о времени“ интервенции был „решен“ мировым империализмом и II Интернационалом.

Социал-фашисты и армия

Выступая активными организаторами интервенции, социал-фашисты естественно должны заботиться о повышении боеспособности буржуазной армии для борьбы против СССР. Они это и не пытаются скрыть, чего доброго — введешь в заблуждение буржуазию!

„Партия, — говорит Б. Калнин, — голосовала за кредиты военному министерству... Партийные работники в военной комиссии сейма... исходили из положительного отношения

к армии... Партийная печать в полемике с буржуазными газетами всегда подчеркивала, что задачей военной политики социал-демократии не является отрицание или ослабление армии“.

Б. Калнин выдумал и „обоснование“ этой социал-фашистской практики укрепления буржуазной армии. Оказывается, лозунги социалистов до мировой войны — „ни одного сантима милитаризму“ и „против всех военных кредитов“ — были направлены лишь против нескольких крупных государств — России, Германии, Англии и „никогда не были рассчитаны на все условия и не относятся ко всем расходам“.

Милитаризм латвийской буржуазии таким образом оказывается „лучше“ милитаризма другой буржуазной страны. Законно спросить: не потому ли это, что Латвия — активный член антисоветского блока?

Сейчас, когда в воздухе пахнет порохом интервенции, различные военспецы социал-фашистов больше всех кричат о том, что „техника латвийской армии слаба“, что „у Латвии нет должной воздушной обороны“, что социал-демократия стоит за создание сильной береговой обороны Латвии“ и т. д. Они даже требуют полного „сокращения“ малобоеспособного латвийского „флота“, чтобы за счет него усилить латвийскую армию. Из этого каждый может заключить, за какие именно военные кредиты и расходы стоят латвийские социал-фашисты.

Социал-фашистам принадлежит и много других проектов укрепления буржуазной армии: создание специального военного совета, требование приема в „айзсарги“ социал-фашистов, проект включения в „айзсарги“ всех демобилизованных солдат и т. д.

Недаром буржуазия, благодарит социал-фашистов за эту „работу“. Фашистский журнал „Айзсаргс“ пишет: „В отдельных случаях члены социал-демократии попрежнему состоят в организациях „айзсаргов“. Они входят туда вполне сознательно, несмотря на то, что являются членами социал-демократической партии“. Буржуазии выгодно, чтобы социал-демократы помогли ей маскировать явно фашистский характер „айзсаргов“.

О задачах своей военной гвардии „Рабочий страж“ они прямо пишут: „Задачей „Р.С.“ является подготовка здоровых, выносливых и боеспособных солдат для латвийской армии“. „Р.С.“ — это один из источников подготовки кадров для интервенции в СССР.

Конечно, агитируя в рабочих массах, все свои продажные прелести социал-фашистам приходится замазывать. Для

этого у них существует так называемая программа требований по „демократизации“ армии. В нее входит и „право“ солдат участвовать в выборах, и воспитание их „в духе защиты демократического государства“, отмена орденов и запрещение использования солдат в конфликтах между трудом и капиталом.

Стоит однако только присмотреться к этим, с позволения оказать, „требованиям“, чтобы увидеть, что и они целиком написаны в угоду и в интересах буржуазии.

Будучи у власти, социал-фашисты на деле показали, что именно так надо понимать эту „демократизацию“ армии.

Когда в связи с фашистским путчем засыпался целый ряд офицеров — Айре, Поне, Икше, Олин, генерал Радзин, а по всей стране поднялась волна рабочих требований о чистке армии и отдаче офицеров-фашистов под суд, — социал-фашисты взяли фашистскую армию под свою защиту и палец о палец не ударили для выполнения требований рабочих. Оскандалившегося в конце генерала Радзина они перевели в военное училище, — пусть готовит себе смену.

Величайшую услугу оказывают социал-фашисты буржуазии в политобработке солдат. Подымая писк о якобы происходящих в армии гонениях на членов социал-демократической партии и социал-фашистскую печать, социал-фашисты честно ведут систематическую, повседневную обработку солдатских масс в духе интересов буржуазии.

Социал-фашисты всюду пропагандируют буржуазный лозунг аполитичности и надклассовости буржуазной армии, практически означающий укрепление армии как классового орудия буржуазии. Вместе с тем социал-фашисты агитируют за порядок в буржуазной армии, за подчинение солдат произволу фашистского офицерства, доходя вплоть до популяризации военных уставов.

В своих листовках к рабочей молодежи, к новобранцам они пишут: „Армия как всякая вооруженная сила подчиняется определенному порядку и дисциплине. Устав требует, чтобы все законно отданные приказы и распоряжения выполнялись беспрекословно. Это требование должно выполняться также членами социал-демократии и рабочими“.

Словцо „законно отданное“ ничего не меняет. Социал-фашисты имеют в виду буржуазную законность. Другой законности в буржуазной армии нет.

Социал-фашисты прямо требуют, чтобы солдат беспрекословно подчинялся всей системе муштры, всему произ-

волу офицерства, всему тому распорядку террора и нравственных пыток, благодаря которым только и существует любая буржуазно-„демократическая“ армия.

Приказание, исполняя которое захлебнулся в собственной крови солдат Р., было для буржуазной армии законным. Это одинаково признали фашист-врач, определивший „разрыв сердца“, и социал-фашисты, не обмолвившиеся по этому случаю даже словом. Когда буржуазия прикажет латвийскому солдату итти на смерть в войне против своих братьев по классу — рабочих и крестьян Советского Союза, — приказ также будет „законным“. Социал-фашисты будут не только уговаривать всех тех, кто не пожелает ему подчиниться, они вместе с буржуазией будут их расстреливать. Не зря же они ввели военные суды в мирное время и специально подчеркнули в своей программе необходимость военно-полевых судов во время войны?!

Таково интервенционистское лицо латвийского социал-фашизма, верного помощника мирового империализма и отечественной буржуазии в организации антисоветской войны.

Революционная борьба масс и работа латвийской компартии в защиту СССР, за революционный выход из кризиса

Классовая борьба в стране

Мы рассмотрели политику латвийской буржуазии и социал-фашизма и политику империалистов в Латвии— политику крайней фашистской реакции и подготовки интервенции в СССР. Этой контрреволюционной политике буржуазии противостоит упорная борьба пролетариата и закабаленного трудящегося крестьянства, борющегося за свое освобождение. Широкие рабочие и крестьянские массы Латвии не хотят войны, они открытые враги империализма, фашизма, всякой социальной реакции. Выход из кризиса, кабалы и угнетения они видят в торжестве пролетарской революции в Латвии. Во главе этих масс стоит их вождь и боевой руководитель — героическая латвийская коммунистическая партия.

Революционная борьба пролетариата и трудящегося крестьянства Латвии не умолкала во все эти годы. Начиная с 1929 г., эта борьба характеризуется новым подъемом и усилением политической активности масс. Отражая обострение противоречий третьего периода послевоенного „развития“ капитализма— крушение временной стабилизации капитализма и нарастание новой революционной войны,— подъем находит выражение в бурном росте массовых выступлений рабочего класса.

Февральский пленум ЦК латвийской компартии 1930 г., оценивая этот рост революционной борьбы, пишет: „На данной стадии это движение характеризуется как движение революционного контраступления пролетариата,... которое в дальнейшем развитии ведет к вызреванию революционной ситуации в Латвии“.

С обострением экономического кризиса в Латвии и перед лицом громадных достижений СССР революционизирование масс идет еще более быстрыми шагами, переходит на более высокую ступень классовой борьбы. Массы от обороны переходят к наступлению, создавая единый фронт всех трудящихся против капитализма в защиту СССР.

В условиях развала всего капиталистического хозяйства успехи социалистического строительства СССР наносят сокрушительный удар по капитализму, поднимают революционный энтузиазм масс и рост их симпатий к СССР.

Пролетариат и трудящееся крестьянство Латвии, уже дважды боровшееся на баррикадах революции, на практике своей борьбы с еще большей силой убеждаются, что освобождение от голода, нищеты и разорения может дать лишь путь СССР — путь пролетарской революции.

Несмотря на то, что условия массовой безработицы и исключительный террор чрезвычайно тяжело сказываются на проведении стачек, **стаечное движение** в Латвии, после некоторого спада в 1929—1930 гг., вновь показывает рост. Даже, по данным буржуазной статистики, в 1930 г. было 38 стачек с общим числом 12 077 забастовочных дней, а в 1931 г. — 42 стачки с 14 261 забастовочных дней. Фактически в 1931 г., не считая мелких, было 55 крупных стачек. Наряду с ними выросли и получили большое распространение так называемые „кратковременные стачки“ на час, два и три часа, направленные против невыплаты заработка и ухудшения условий труда.

Вот крупнейшие стачки 1932 года: стачка в стекольной промышленности — 500 чел., в кожевенной и обувной — 1000 чел., льняной мануфактуры Гоф — 1000 чел. и другие.

Стаечное движение, показывая повышение упорства бастующих, все более принимает политический характер, выдвигая политические лозунги и требования.

Большую роль приобретают другие прежде всего нелегальные формы организации рабочего класса: нелегальные собрания, рабочие массовки, летучки, митинги.

Широкий размах получило **движение безработных**. Начало 1932 г. обозначилось целым рядом массовых выступлений — демонстраций и собраний безработных, охвативших все крупнейшие города Латвии — Ригу, Двинск, Либаву, Венден.

Борьба доведенных до отчаяния масс безработных приняла настолько острые формы, что буржуазия начинает пускать в ход оружие. Открытые столкновения безработных

с полицией, расстрелы демонстраций безработных становятся в Латвии обычным явлением.

Вместе с революционизированием масс идет рост и усиление влияния компартии и падение роли социал-фашистов. Под знаменем компартии сплачиваются все лучшие силы латвийского пролетариата.

Уже выборы в латвийский сейм в 1931 г. показали дальнейший рост влияния компартии. Несмотря на зверский предвыборный террор, арест 8 левых рабочих кандидатов и нескольких сот революционных рабочих, несмотря на то, что компартия полностью была лишена возможности вести предвыборную агитацию, — количество поданных за левые списки голосов увеличилось с 52 тыс. до 72 тыс.

Значительно увеличилась роль компартии и левых профсоюзов в руководстве забастовочной борьбой. И если из 40 стачек в 1930 г. на руководство компартии и левых профорганизаций приходилось лишь 19, то в 1931 г. — из 55 стачек их приходится уже 30.

Латвийская компартия пользуется огромным доверием и симпатиями широчайших рабочих и бедняцких масс. Являясь преемницей лучших, революционных традиций старых латвийских социал-демократов-большевиков, компартия Латвии ведет решительную борьбу против фашизма и интервенции, успешно организует массы в борьбе за Советскую Латвию.

Естественно, что всю силу своего террора буржуазия направляет против загнанной в глубокое подполье латвийской компартии и тех легальных левых рабочих организаций, которые в условиях разгула фашизма еще удалось сохранить рабочему классу.

О характере и силе белого террора и величайшем героизме коммунистических борцов говорит простой язык фактов. За 9 лет — с 1923 по 1931 г. — в Латвии было 246 процессов коммунистов, охватывающих нередко по 20—30 человек. 28 коммунистических процессов в год, по процессу в каждые две недели — „таков показатель деятельности“ латвийской охраны.

В латвийских тюрьмах, во всех этих царских „Рижских централах“, „Цитадели“, „Латвийской Сибири“, заживо погребены, обречены на неизлечимые болезни и медленную смерть свыше 900 лучших представителей латвийских рабочих. „Свободный“ и „демократический“ строй Латвии держится на том, что каждый семидесятый рабочий брошен в каменный мешок тюрем, в холодные карцеры, закованы в кандалы. Но буржуазии мало этого. Арестованный

и заточенный в тюрьме пролетарий должен быть еще избит и умучен. Надо сделать так, чтобы он умер в тюрьме или по крайней мере сразу по выходе из нее.

Заклученные борцы могут много рассказать о нечеловеческих истязаниях и зверствах латвийской охранки.

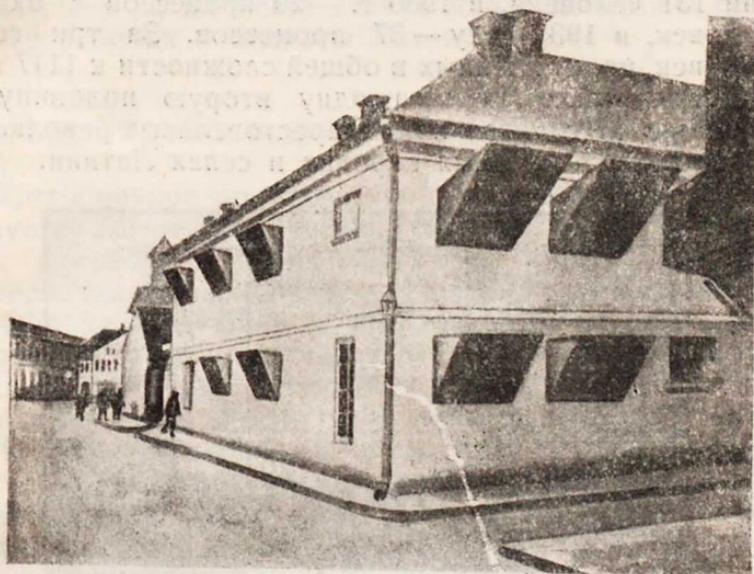

Рис. 7. Вольмарская одиночная тюрьма

„Баумана поднимали за руки и били о стену, пока не сломали носовой хрящ. После выхода из тюрьмы он умер“.

„Гришкана в рижской охранке истязали с 12 часов ночи до 6 часов утра, избивали нагайкой, железной штангой, нанесли рану в правое бедро“.

„Яунзем били головой об пол, топтали, душили, сорвали кожу на лице и шею“.

„Берга начальник тайной агентуры Штиглиц с агентами Фолькманом и Морело, после того как им не удалось получить его признаний под угрозой расстрела в лесу, избивали кулаками, топтали ногами, желая, как они сами заявляли, „сыграть ему на ребрах“ „Интернационал“.

У этого списка нет конца.

Охранка может радоваться — Арайс и Тиммерман сошли с ума, Самойлов и Гиргенсон покончили самоубийством, не выдержали пыток и умерли — Фриц, Берг, Артур Абел, Марта Менде, Аня Рит, Василий Панфилов, Карл Антон и т. д. и т. д.

В условиях быстрого революционирования масс белый террор свирепствует как никогда. Не проходит и недели,

чтобы не возникал новый коммунистический процесс. Фашист Скуенек в 1927 г., хваставший, что ему известна фамилия каждого коммуниста, что коммунизм не опасен, — только и занят теперь борьбой с „коммунистической опасностью“. В 1929 г. был 31 коммунистический процесс, охвативший 131 человека, в 1930 г. — 29 процессов с охватом 178 человек, в 1931 году — 37 процессов. За три года — 458 человек, присужденных в общей сложности к 1117 годам тюрьмы и каторги. Лишь за одну вторую половину мая 1932 г. было 11 случаев новых арестов левых революционных рабочих в различных городах и селах Латвии.

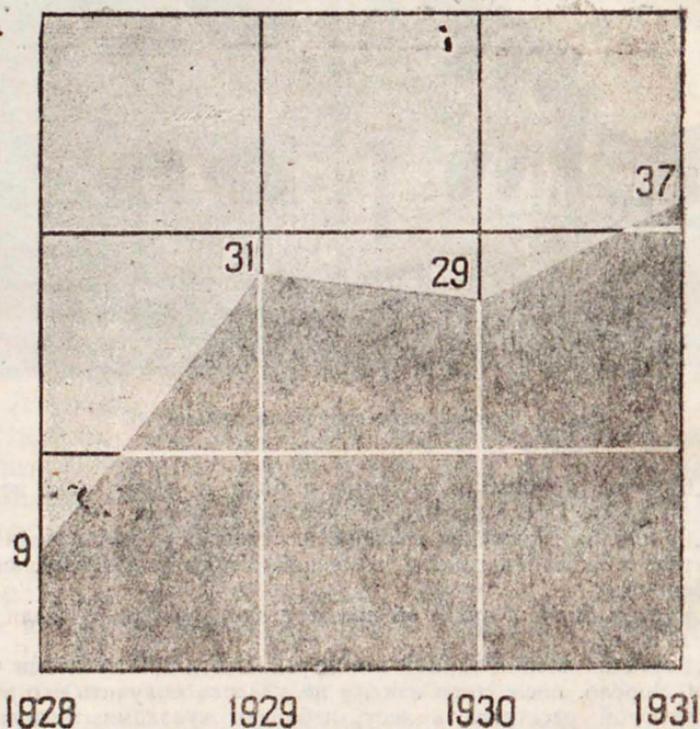

Рис. 8. Рост судебных расправ над коммунистами в Латвии

Однако буржуазии не сломить железной воли коммунистических борцов. Хотя ни один год не проходил без ликвидации целых ячеек и организаций, революционные массы выделяли новые силы, ячейки возникали вновь. Состав компартии еще более увеличился, и сеть ячеек раскинулась по стране.

Буржуазия приходит в неистовство от того, что революционные рабочие даже зал суда используют для своей

агитации, встречая жесточайшие приговоры с иронией и насмешкой, революционными возгласами: „Да здравствует Советская Латвия“, Да здравствует Коммунистический Интернационал“.

Буржуазия не понимает, что борцы смеются, когда знают, что на их места станут новые десятки и сотни, вся масса рабочих и бедноты Латвии.

ЛКП в борьбе с фашизмом и интервенцией

Современное политическое положение в Латвии характеризуется решительной мобилизацией революционных сил под руководством компартии на борьбу с фашизмом и интервенцией за социалистическую революцию в Латвии.

Борьба с фашизмом в Латвии на данном этапе — это борьба против правительства Скуенека, против его программы частичных нападений на рабочий класс и подготовки открытой фашистской диктатуры.

В своем воззвании, в связи с усилением фашистского наступления и усилением террора против рабоче-крестьянской фракции сейма, Латкомпартия и Комсомол призывают рабочих и всех трудящихся к решительной борьбе против наступающей реакции. В воззвании пишется:

... „разбойничьему нападению фашизма необходимо дать решительный отпор. Здесь рабочий класс не должен медлить ни одной минуты. Необходимо созывать собрания протеста на предприятиях, местах общественных работ, биржах труда, на селе. Необходимо требовать прекращения террора против рабоче-крестьянской фракции сейма, освобождения арестованных депутатов, возобновления работы закрытых рабочих профсоюзов, ...организовать стачки протеста“.

На сегодня в Латвии нет еще непосредственной революционной ситуации. Еще значительные массы рабочих находятся под влиянием социал-фашистов и следуют за обманными лозунгами. Еще ловкими маневрами, выдвижением к власти мелкобуржуазных партий „центра“, буржуазии удается сохранить свои позиции. Но развитие революционной борьбы масс уже достигло такого уровня, когда идет быстрый процесс нарастания и вызревания условий революционной ситуации.

Важнейшей задачей компартии в этих условиях является повседневная упорная борьба за большинство рабочего класса, за завоевание в первую очередь крупнейших и важ-

нейших предприятий, за дальнейшее еще большее укрепление влияния партии в широких трудящихся массах.

Борьба за большинство рабочего класса—это, в свою очередь, есть борьба с социал-фашизмом. С помощью полицейского террора и политики „левых“ трюков социал-фашисты пытаются укрепить свое положение, овладеть движением масс и сорвать выступления рабочих. В обстановке жесточайших репрессий против компартии, социал-фашизм выступает прямым организатором кадров для фашизма. Разгром социал-фашизма—этой агентуры фашизма среди рабочих—представляет поэтому важнейшее условие борьбы с фашизмом и подготовкой интервенции.

Успешная борьба с социал-фашизмом требует создания таких условий, при которых повседневно на конкретных примерах борьбы рабочего класса разоблачалась предательская сущность социал-фашистских вождей, срывалась маска со всей их тактики „левых трюков“ и сотрудничества с буржуазией.

Стоя на крепких большевистских позициях в борьбе на два фронта за ленинскую линию, решительно изживая в своей работе социал-демократические предрассудки и традиции, компартия мобилизует массы на основе организации самостоятельного движения пролетариата под своим руководством, на основе создания единого фронта снизу с социал-демократическими рабочими и на основе полного сочетания общеполитических лозунгов с частичными требованиями рабочего класса.

Компартия взяла твердый курс на ликвидацию имеющихся еще „ножниц“ между идейным влиянием партии и организационным охватом масс. Компартия создает на предприятиях свои опорные пункты в виде партийных ячеек, организует фабричные и стачечные комитеты и комитеты борьбы, решительно борется за расширение и улучшение качества массовой работы.

Достигнуты значительные успехи в постановке печатной агитации. Компартия издает целый ряд печатных и литографских изданий и имеет довольно широко развернутую сеть фабрично-заводских бюллетеней и газет—„Красный текстильщик“, „Красный стекольщик“, „Борьба безработных“ и т. д. В 1931 г. компартией было издано свыше 200 тыс. экземпляров листовок и воззваний различного содержания.

Значительные успехи достигнуты в области руководства движением безработных. Наиболее яркие выступления

безработных в текущем году были организованы и проходили под непосредственным руководством компартии, левых профорганизаций и рабоче-крестьянской фракции сейма.

Борясь за большинство рабочего класса, партия усиливает и свою работу в организациях противника и тесно сочетает формы нелегальной и легальной работы, всемерно добиваясь расширения последних и обеспечения более широких возможностей подхода к рабочим массам.

Слабым местом компартии остается работа на селе. Партия не сумела еще охватить достаточным руководством массы батрачества и сельской бедноты.

Некоторое исключение представляет лишь Латгалия, где влияние партии на селе особенно велико. Это в частности видно из падения роли социал-фашистов, быстро теряющих в Латгалии одну позицию за другой.

В 1930 г. на Латгалию приходилось 40 социал-фашистских групп с общим числом членов 225 человек (в Лифляндии на 43 группы было 912 человек). В 1931 г. это мизерное влияние социал-фашистов еще более снизилось — число групп сократилось до 36 и количество членов в них до 171 человека. Закабаленная и разоряющаяся латгальская беднота уверенно становится под знамена компартии.

Учитывая высокую роль батрачества и бедноты для успешного развития революционной борьбы в Латвии, VIII съезд латвийской компартии со всей остротой поставил задачу решительного улучшения партийной работы на селе. Съезд дал развернутую критику допущенных в 1918—1919 гг. партией в аграрном вопросе крупных, означавших прямой отход от ленинской линии, ошибок — отказ от раздела земли, создание совхозов и колхозов. Создание совхозов и колхозов без раздела имений при полной еще неподготовленности к тому латышского народного хозяйства и самого трудового крестьянства Латвии было явно преждевременным и вбивало клин в союз рабочего класса с крестьянством. Эти ошибки партии отрицательно повлияли на исход рабочей революции в Латвии.

В воззваниях, обращенных к трудящемуся крестьянству, компартия показывает ему пути и средства революционной борьбы с латвийским фашизмом: „Созывайте собрания трудящихся крестьян в селах и волостях. Отказывайтесь платить налоги и долги. Организуйте активное сопротивление против продажи с аукциона хозяйств бедноты, будочников, новохозяев. Принимайте резолюции протеста против террора и подготовки войны против СССР. Бойкотируйте торги. Прогоняйте из своих сел и дворов аукционеров“.

В центре всей работы латвийской компартии стоит борьба с угрозой новой империалистической войны и в первую очередь с угрозой военной интервенции в СССР.

В решениях VIII съезда латкомпартии мы читаем:

„В связи с непосредственной угрозой интервенции против СССР и в связи с использованием армии для подавления революционного движения рабочего класса антивоенная работа и работа в армии должна рассматриваться как одна из важнейших задач“.

Решения съезда и последующего пленума ЦК компартии требуют, чтобы фронту антимилитаристической работы и работы в армии уделялось самое исключительное внимание, чтобы это являлось делом всей партии и всех ее вспомогательных организаций: комсомола, профорганизаций, Мопр и т. д. и тесно увязывалось со всей борьбой рабочего класса.

Последний период в работе компартии Латвии характеризуется значительным усилением антимилитаристической пропаганды и подготовки масс к защите социалистического строительства СССР. Компартией был проведен ряд специальных антивоенных массовых кампаний — в день 1 мая, 1 августа, в связи с призывом новобранцев, десятилетием латвийского „флота“, кампаний, охвативших тысячи и десятки тысяч человек. Партия увеличила и свою издательскую работу в этой области выпуском специальных антивоенных брошюр и увеличением количества и тиража антивоенных прокламаций.

Не говоря о листовках, посвященных армии и специальным вопросам борьбы против войны, ни одна листовка, стенгазета, ни один бюллетень не обходятся без мобилизации внимания масс на борьбу с угрозой антисоветской войны. В антивоенной агитационно-массовой работе компартия популяризует колоссальные достижения и успехи социалистической стройки СССР, разоблачает конкретные факты подготовки войны, рашительно разоблачает активное организационное и „идейное“ участие в этой подготовке социал-фашистов.

Выставляя в борьбе с подготовкой интервенции лозунг укрепления связей и экономического сближения с СССР, компартия вместе с тем подчеркивает, что действительное сближение, как условие улучшения положения рабочего класса и трудящегося крестьянства, может иметь место лишь в результате пролетарской революции в Латвии.

Организуя массовое движение против войны и интервенции, партия принимает меры к его организационному закреплению — созданием комитетов борьбы и усилением

рядов революционной пролетарской самообороны, усиливает свою работу на предприятиях военного значения, морском и железнодорожном транспорте и в военно-фашистских и социал-фашистских организациях.

VIII съезд компартии, специально занимавшийся вопросами антивоенной работы и работы в армии, поставил перед партией следующие конкретные задачи:

1. Обеспечить широкую кампанию в легальной и нелегальной прессе по разъяснению угрозы войны и средств борьбы пролетариата против нее.

2. Устраивать на предприятиях массовые рабочие собрания, посвященные борьбе против войны, связывая их с конкретными фактами военной подготовки.

3. Организовать в связи с наиболее яркими примерами подготовки интервенции собрания протеста, массовые демонстрации и летучие антивоенные митинги.

4. Поставить в массах систематическую пропаганду учения Ленина о революционной борьбе против войны и о пролетарской революции как единственном революционном выходе из войны. В случае войны—перед партией ставится задача обеспечить максимальный срыв мобилизации буржуазной армии и тыла и срыв попыток буржуазии создания в массах военного, национального угара.

Симпатии рабочих масс к СССР во всех капиталистических странах и в частности в Латвии, враждебность этих масс к самой идее интервенции с несомненностью указывают на успех антивоенной работы компартий.

В этом величайшая сила Советской страны.

„Сила нашей страны, ее крепость и прочность состоит в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира“ (С т а л и н.)

Эту нерушимую поддержку СССР в случае интервенции несомненно получит от широких рабочих и трудящихся масс Латвии.

Работа компартии в армии

Охрана армии от проникновения в нее революционного коммунистического движения представляет важнейшую задачу буржуазии в отношении армии. Именно на эту „охрану“ и рассчитана вся система муштры и политобработки, весь жесточайший фашистский террор в армии.

Но какие бы меры буржуазия ни принимала, она бессильна предотвратить проникновение революционной борьбы в армию. Эта борьба, будучи продолжением и своеобразным выражением классовой борьбы в стране, является неотъемлемым свойством буржуазной армии, построенной на противоречивой основе классового господства и подчинения. В условиях острого кризиса и усиления фашистского наступления в стране и в армии, в условиях фашизации армии нарастает и революционное сопротивление солдат, их воля к борьбе против режима фашистской армии и режима буржуазии вообще. Усиление революционной борьбы в латвийской армии находится в связи с общим обострением классовой борьбы в Латвии и сплочением революционных пролетарских сил против диктатуры капитала.

Условия революционной борьбы в армии крайне трудны, а наказания за революционную деятельность в армии крайне тяжелы и безжалостны. Рост недовольства и революционных настроений солдат здесь зачастую поэтому идет в более скрытых и замаскированных формах, выражая стихийный протест масс.

Показателями этого стихийного протеста солдатских масс является состояние дисциплины и взаимоотношение солдат с офицерами и младшими командирами-фашистами.

Дисциплина в латвийской армии, создаваемая градом наказаний, лишь внешне „стоит на высоте“. До 70—80% солдат имеет дисциплинарные взыскания, многие по несколько десятков. Как рассказывают солдаты-корреспонденты армейской газеты компартии, гауптвахты всегда переполнены, на них стоит очередь и лишь... „в особо важных“ случаях гауптвахта предоставляется сразу. Многие солдаты „не вылезают“ из гауптвахты, отбывая наказание за наказанием.

В военной тюрьме „Цитадели“ количество осужденных солдат достигает 150—180 человек. По характеру „преступлений“ добрых 90% выражают прямой протест против буржуазной армии и ее порядков. Осужденные в 1929 г. распределялись так: за „оскорбление“ начальства — 20%, за нежелание служить и уклонение от службы в буржуазной армии — 24%, за нарушение буржуазных уставов — 18%, членовредительство (тоже в целях уклонения от службы) — 4% и наконец прямое выступление против существующего строя буржуазии в стране и в армии — 2%.

Такой же стихийный протест против порядков буржуазной армии представляет высокий процент самоубийств и дезертирства.

Отношение основной массы солдат к офицерству и инструкторам, особенно к фашистам, как правило, враждебно. Враждебность эта находит особо яркое выражение в довольно частых в латвийской армии избиениях и убийствах инструкторов. В Либаве в один вечер на улице были заколоты 2 инструктора. Во 2-м Венденском полку солдат-латгалец Апруп ударил ножом капрала Якобсона и убил его на смерть и серьезно ранил обер-офицера Киркена. В 1-м Либавском полку во время стрельбы холостыми раздробили инструктору ногу так, что ее пришлось отнять, причем офицерству так и не удалось установить, как боевой патрон мог попасть в учебную обойму. В саперном полку при возвращении роты с занятия инструктору сзади разбили камнем голову, и хотя вся рота видела виновника — он не был обнаружен.

Это все факты последнего времени. Все они носят более или менее отчетливо выраженный классовый характер.

Помимо стихийного выражения недовольства солдат, латвийская армия знает десятки случаев сознательного и организованного выступления солдатских масс.

В Либаве рота, выведенная во двор для отправки строем в церковь, вся целиком отказалась от исполнения этого приказа. В Двинском гарнизоне в 1930 г. 2 роты отказались от выступления против рабочих. В этом же году из Латгалии поезд с новобранцами шел под красными флагами, пелись революционные песни и распространялись листовки. В 1930 г. состоялась нелегальная конференция революционеров-новобранцев с представительством почти от всех частей армии и флота. Вывешивание красных флагов в революционные праздники и распространение листовок на территории казарм — обычное явление.

Само собой понятно, что заподозренные в революционной деятельности солдаты подвергаются жесточайшим преследованиям. Последние полгода год характерны новым взрывом арестов в частях по обвинению в коммунистической пропаганде. Так были арестованы и осуждены: солдат Курляндского артполка Карклин, солдаты 12-го Баускского полка Кукъян и Гордин, солдат 12-го Баускского полка Леонович, солдат 7 Зегевольдского полка Ульпе и многие другие. Карклин обвинялся в призыве солдат к бунту и в заявлении: „на войну против СССР не пойду“, Кукъян и Гордин — в хранении и распространении листовок, Леонович — в призыве к бунту на „секретном собрании“, Ульпе — в хранении в казарме коммунистической литературы.

Вся революционная работа в армии ведется под непосредственным руководством компартии и коммунистического союза молодежи.

Влияние компартии в армии значительно усилилось и продолжает расти. VIII съезд компартии отметил 100% рост партийной организации в армии.

Соответственно этому и еще большими темпами идет падение влияния социал-фашистов. И если в 1920 г. из 80 тыс. солдат латвийской армии под влиянием социал-фашистов находились $\frac{2}{3}$ солдат, то теперь влияние социал-фашистов в армии не достигает и половины этого.

Тем не менее и в армии социал-фашизм остается главным препятствием к успешному развертыванию революционной борьбы масс.

В постановке работы компартии в армии имеется ряд серьезных недочетов: слабость организационной работы и работы по росту ячеек, недостаточное использование живых форм индивидуальной и групповой агитации, слабая инициатива и неумение отдельных ячеек ухватиться за конкретные факты жизни и быта частей и мобилизовывать вокруг них массы, и, наконец, слабость и недостаточная подготовленность партийных кадров.

Устранение всех этих недочетов представляет важнейшую задачу компартии в борьбе за армию и поднятие всей работы в армии на более высокую ступень.

Ведя решительную борьбу против фашистского наступления и подготовки интервенции, ни на минуту не отвлекаясь от пролетарской борьбы в стране, воинские комячейки организуют солдатские массы вокруг частичных требований партии в армии. Важнейшими из этих требований являются:

1. Отмена приветствий и отдания чести.
2. Отмена утренней и вечерней молитвы.
3. Повышение суточной дачи пищи.
4. Увеличение жалования до 15 лат в месяц.
5. 8-часовой учебный день в армии.
6. Предоставление двух отпусков по 14 дней.
7. Право состоять в политических партиях.

Крупнейшую роль в организации солдатских масс играет армейская газета компартии „Красный воин“. „Красный воин“ выходит почти регулярно и пользуется большими симпатиями солдат. Латкомпартия издает и значительное число брошюр и других агитационных материалов для армии,

не говоря о листовках, выпускаемых по всем важнейшим случаям, и большом тираже. Несмотря на преследования буржуазии, вся эта литература так или иначе попадает в казарму.

В случае войны компартия, ведя работу по срыву мобилизации, вместе с тем будет звать не к отказу от явки по мобилизации, что привело бы к изоляции революционных рабочих, а к борьбе против буржуазии на основе участия в армии, на основе разложения буржуазной армии изнутри и создания Красной армии революции.

Компартия разоблачает буржуазные сказки о недопустимости так называемой „измены отечеству“, прямо ставя перед солдатскими массами задачу активной помощи СССР коллективным отказом от выполнения приказов, организацией солдатских забастовок, стрельбой мимо цели, массовым раскрытием военной тайны и наконец прямым переходом на сторону Красной армии.

Было бы величайшей ошибкой полагать, что буржуазии совершенно не удастся использовать свою армию против СССР. Еще товарищ Ленин предупреждал нас от такой ошибки, указывая на ту „великую тайну“, в которой война рождается, и те буржуазные предрассудки и шовинизм, которыми еще удастся буржуазии отравить основные массы трудящихся в начале войны. Но уже много тех, кто не хочет войны, кто открыто становится против буржуазии за защиту СССР. В латвийской армии война против СССР непопулярна среди значительной части наиболее передовых рабочих и крестьян — солдат этой армии. В обстановке войны их число будет увеличиваться и расти, становясь в ряды борцов за превращение войны империалистической в войну гражданскую против своей буржуазии за Советскую Латвию.

Революционные солдаты Латвии в своем манифесте пишут:

„Мы, революционная трудящаяся молодежь Латвии, уходя в фашистскую армию Латвии, клянемся трудовому народу:

В казармах продолжать революционную работу и борьбу по разрушению империалистической армии, за свержение фашистского правительства, за пролетарскую победу в Латвии.

В случае войны против СССР все как один перейти на сторону пролетариата СССР, призывая всех солдат и матросов стать под красные боевые знамена пролетариата СССР и Латвии, за Советскую Латвию, за всемирную победу пролетариата.

Ни одного выстрела против пролетариата СССР. Направим дула против капиталистов, фашистов командиров, серых баронов!..

...Долой войну и вооружения! Долой фашистское правительство! Долой социал-демократических лидеров — предателей рабочего класса! Ликвидировать армию, военный бюджет, „айзсаргов“ и полицию. Требуем вооружения трудящихся. Война войне! Империалистическую войну превратим в гражданскую, за пролетарскую победу в Латвии, во всем мире! Да здравствует СССР! Да здравствует героическая Красная армия СССР! Руки прочь от СССР! Мы шлем привет революционной борьбе свободному рабочему народу и рабочей молодежи СССР.

У нас одна общая цель борьбы — победа пролетариата всего мира. В случае войны у нас одни общие баррикады, под красными боевыми пролетарскими знаменами“.

Латвийский пролетариат уже дважды боролся за советскую власть в Латвии, третий раз будет роковым для латвийской буржуазии.

Рабочий класс СССР даст по рукам поджигателям войны.

„Внешняя политика Советского Союза ясна, — это политика мира. Все видят, что мы всецело поглощены мирной стройкой в нашей стране и делаем все, чтобы помешать новым империалистическим нападениям на республику социализма“ (Молотов).

Наша политика ясна, — это последовательная, до конца выдержанная, политика мира. Свои мирные устремления и желание сохранить мир рабочий класс Советского Союза показал на неоспоримых фактах своих взаимоотношений с капиталистическим миром. В самые острые моменты внешне-политических осложнений — нота Керзона, нападение на КВЖД, недавние манчжурские события, — империалистам не удалось спровоцировать войну.

Рабочий класс СССР и всего мира против войны. Но войну хотят империалисты.

Империалисты хотят начать эту войну возможно скорее. Устами японского „эксперта по русским делам“ Камациу мировой империализм говорит: „Чем скорее осуществится программа против СССР, тем лучше“, „Нельзя упустить момент, который может никогда не вернуться“.

Империалистические хищники — Франция, Англия, Япония, Соединенные штаты Америки и их вассалы — Польша, Румыния, Прибалтика чувствуют, что они уже упустили момент, что СССР окреп внутренне и внешне, что в дальнейшем напасть на Советский Союз будет еще труднее, и поэтому они требуют войны против СССР, „чем скорее, тем лучше“.

В условиях, когда контрреволюционная война против СССР стала непосредственной опасностью, трудящиеся СССР должны быть готовы по-большевистски к отпору и вооруженной защите своих границ. Советский Союз принимает все меры, делает все, чтобы избежать войны.

Но каждый рабочий и трудящийся Советской страны понимает, что СССР в своей борьбе за мир может вести лишь ту политику, идти лишь на те уступки, которые обеспечивают завоевания Октября и не противоречат кровным интересам мирового пролетариата.

Мировой империализм сейчас требует от нас „уступки“ — срыва социалистической стройки СССР, уничтожения огнем и мечом завоеваний Октября, очага мировой пролетарской революции. Империализм пытается навязать нам войну, хотим мы этого или нет.

Так стоит вопрос.

Такая его постановка вытекает из современной, сегодняшней борьбы двух систем — социалистической и капиталистической; одной — идущей вперед, к социализму, другой — раздираемой противоречиями, глубочайшим кризисом и загниванием. Загнивающий капиталистический мир не хочет сдаться без боя. Вопрос „кто кого“, разрешенный внутри Советской страны, должен быть разрешен и на мировой арене. Эту неизбежную борьбу двух систем, неизбежность контрреволюционного нападения империалистов на СССР, имел в виду т. Ленин, когда сразу же в конце гражданской войны говорил: „Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй“.

Готовы ли мы к решительному отпору империалистам, если они на нас нападут? Да. Вся генеральная линия нашей партии есть выполнение этой задачи, выполнение указаний Владимира Ильича.

Мы готовы к отпору, ибо мы укрепили наш Союз, неизмеримо подняли авторитет СССР среди рабочего класса и угнетенных народов всего мира — наших союзников и резервов в революции, мы сплотили широкие трудящиеся массы Советского Союза вокруг **единственной** и единой большевистской партии и укрепили диктатуру пролетариата в нашей стране.

Мы готовы к отпору, ибо мы построили крупнейшую в мире социалистическую промышленность, гиганты-фабрики и заводы, перевели на социалистические основы крупного машинного производства наше сельское хозяйство, мы укрепили плановое начало во всех отраслях народного хозяйства, создав величайшие преимущества над империалистами в войне.

Наконец **мы укрепили нашу Красную армию**. Наша Красная армия — армия мирового пролетариата, сплоченная единством классовых интересов, стоит на уровне всех требований современных армий в техническом отношении.

и в боевой подготовке. Красная армия, ее боевая мощь уже сейчас является величайшей гарантией мира, гарантией от империалистического нападения на СССР.

„Особенность положения теперь состоит в том, что вопрос вооруженного нападения на СССР означает теперь главную опасность для тех, кто посмеет нарушить мир и напасть на Советский Союз“ (VI съезд советов).

Перед лицом реальной угрозы войны мы должны во весь голос заявить всему мировому пролетариату о готовности рабочего класса и трудящихся СССР к победоносной войне, если империалисты нам ее навяжут.

Но было бы неправильно не видеть и недооценивать трудности войны и задач, стоящих здесь перед рабочим классом СССР.

Грядущая война будет исключительно напряженной и трудной, она потребует величайшего напряжения всех моральных и физических сил рабочего класса, всех материальных и производственных ресурсов социалистической страны.

„Грядущая мировая империалистическая война будет не только механизированной войной, во время которой будут использованы громадные количества материальных ресурсов, но вместе с тем войной, которая охватит многомиллионные массы и большинство населения воюющих стран“. „Границы между фронтом и тылом будут все более стираться“ (VI конгресс Коминтерна).

Говоря о нашей готовности дать решительный отпор империалистам, мы должны учитывать трудности войны и так готовиться к ней, чтобы вести ее с меньшими жертвами.

Это требует от каждого рабочего, колхозника, всех трудящихся советской страны:

— проникнуться полным сознанием ответственности обстановки, быть готовым в любую минуту встретить угрожающую опасность, умножить классовую бдительность на всех участках нашей работы;

— еще больше сплотиться вокруг генеральной линии партии, ее ленинского руководства, вокруг повышения темпов и качества работы по выполнению великого плана социалистической стройки в нашей стране;

— повысить нашу заботу и помощь Красной армии и флоту — лучшим отбором кадров армии, высококачественным, точным, своевременным выполнением заказов по обороне, усилением повседневной связи между фабрикой, заводом, колхозом и красной казармой;

— усилить военную подготовку в отрядах Осоавиахима, ПВО, рабочих и комсомольских дружинах, превращая каждый завод и колхоз в несокрушимую крепость обороны социалистической страны.

Империалисты уже „упустили момент“.

„Если в мирных условиях социализма мы доказали на практике правильность большевистской линии, то в момент внешних испытаний, когда империалисты попытаются сорвать мир и помешать нашему строительству вооруженным нападением на СССР, мы докажем правильность большевистской линии и нашу большевистскую силу“.

(Молотов).

Партиздат № 10222/л

Ответ. редактор *Л. Валерштейн*

Техн. редактор *Жингель*

Сдано в набор 4/VIII 32 г.

Подписано к печати 26/X 32 г.

Бумага 82×111

Печ. л. 5½

Кол. печ. зн. в 1 п. л. 44608

Ленгорлит № 59852

Тираж 5000

Заказ № 9083

Цена 30 коп.

8

31/2

4
№ 5317

☆